На правах рукописи

ЗОЛОТЫХ Лидия Глебовна

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

(на материале русского языка)

специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Белгород
2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет»

Научный консультант:	доктор филологических наук, профессор ***Алефиренко*** Николай Федорович (г. Белгород)
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор ***Мокиенко*** Валерий Михайлович (г. Санкт-Петербург)
	доктор филологических наук, профессор ***Полонский*** Андрей Васильевич (г. Белгород)
	доктор филологических наук, профессор ***Токарев*** Григорий Валериевич (г. Тула)
Ведущая организация:	Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Защита состоится 7 мая 2008 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 в Белгородском государственном университете по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, ауд. 6-6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного университета.

Автореферат разослан 15 марта 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор ***М.Ю. Казак***

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена фразеологическому значению и его смысловой реализации в русском дискурсивном пространстве. Исходя из того, что фраземику русского языка следует рассматривать как ядро национального сознания, мерило духовности русского народа (В.М. Мокиенко). Само существование фразеологических единиц в знаковых системах практически во всех языках мира является свидетельством необходимости имплицитного воплощения в знаках вторичной и косвенно-производной номинации тысячелетнего речемыслительного творчества народа, его мировоззрения и культуры.

Актуальность исследования обусловливается тем, что всё ещё остаётся открытая для лингвистического осмысления когнитивно-семантическая сущность идиоматики, которая, объективируя познаваемые объекты сопряжёнными средствами первичной и вторичной номинации, содержит в себе не только результаты отражения действительности в языковом сознании человека, но и те дискурсивные смыслы, которые могут быть представлены только единицами косвенно-производной номинации. Вместе с тем, уровень современной теоретической лингвистики позволяет устранить подобные когнитивно-семантические лакуны. Всё это, собственно, и предполагает исследование (1) закономерностей когнитивно-дискурсивного формирования фразеологических значений как формы модально-оценочной интерпретации знаний об отражаемой действительности и (2) разных способов вторичной репрезентации, организации и хранения этих знаний в когнитивных структурах языкового сознания человека. Решение проблемы исследования когнитивно-дискурсивных основ формирования фразеологического значения возможно только при синергетическом (нелинейном) подходе к осмыслению взаимоотношения процессов о т р а ж е н и я в нашем сознании действительности и н о м и н а ц и и её лингвосемиотическими элементами разной природы в их вторичной функции. Вербальная объективация продуктов отражения даже знаками первичной номинации представляет собой сложнейшую проблему. Ещё более таинственной «terra incognito» она становится, когда речь заходит о кодировании интерпретированных языковым сознанием стереотипных денотативных ситуаций средствами косвенно-производной номинации. Поскольку своим возникновением фраземы обязаны лингвокреативному мышлению, особенно актуальным становятся исследование когнитивно-дискурсивных механизмов формирования фразеологического значения.

Предшествующие исследования (А.А. Потебня, А.М. Бабкин, Б.А. Ларин, В.Л. Архангельский, А.И. Фёдоров, В.П. Жуков, Л.И. Ройзензон, В.М. Мокиенко, Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, Д.И. Добровольский, М.М. Копыленко, З.Д. Попова, Harry Walter, Wojciech Chlebda, Željka Fink, Стефка Георгиева, Wolfgang Fleischer и др.) позволили выявить основные проблемы природы и сущности фраземообразования,

обусловили понимание онтологических свойств фраземы как знака косвенно-производной номинации, её статуса в системе языка и речи.

Вербализуя ценностно-смысловые объекты того или иного культурно-языкового сообщества, фразеологическая система в лаконичной языковой форме сохраняет особенности менталитета того или иного народа. Исследование способов фразеологического выражения этнического менталитета выводит на проблему соотношения языка и культуры в её когнитивно-дискурсивном ракурсе.

В процессе когнитивно-дискурсивного исследования роли фразем в процессах категоризации мира в новом свете предстают такие аспекты концептосферы русского языка, как (а) *фразеологическая семантика и картина мира,* (б) *фразеологическая семантика и модель мира,* (в) *фразеологическая семантика и образ мира*. В этом отношении важно установить иерархию базовых категорий «модель мира», «образ мира» и «языковая картина мира».

Адекватная интерпретация культурного пространства предполагает применение интегрированного подхода изучению фразеологической семантики с привлечением не только лингвистических, но и психологических, этнографических, антропологических, общекультурных данных, которыми располагает современная наука. Прежде всего, в соответствии с дискурсивно-когнитивной методологией требуется препарирование к нуждам фразеологической семасиологии таких понятий, как «концепт», «дискурс», «культура», «символ», «языковой образ».

Понимание фраземики как образного средства (а) формирования и выражения мысли, ассоциативно-смыслового хранения в человеческом сознании субъективных представлений о мире, (б) средства не только обмена знаниями, но и их интеллектуально-эмотивной интерпретации лежит в основе когнитивного подхода к исследованию фразеологического состава языка. Изучение фразем как знаков косвенно-производной номинации, возникающих и функционирующих в процессе лингвокреативного мышления (на базе апперцепции и уже существующих в языке средств первичной и вторичной номинации), формирует п р е д м е т нового направления фразеологии – когнитивно-дискурсивного (Н.Ф. Алефиренко, Л.В. Ковалёва, Л.Ю. Буянова и Е.Г. Коваленко, Е.А. Селиванова и др.). Его своеобразие обусловливается тем, что в целом данный подход к фразеологии, представляет собой амальгаму идей лингвокогнитивистики и лингвокультурологии. Их интегрированное использование открывает новые возможности для постижения речемыслительных особенностей образного познания действительности и дискурсивно-прагматической деятельности человека, для понимания того имплицитного содержания, который находится за пределами означающего знака-фраземы. Иными словами, когнитивно-дискурсивная парадигма современной фразеологии исходит из возможности познания взаимосвязей языковых и внеязыковых факторов, обусловливающих лингвокреативный статус фраземы в языковом сознании человека.

В связи с изложенным особенно актуальным представляется исследование природы и сущности фразеологического значения как способа

существования в языковом сознании *обыденных понятий*, или к о н ц е п т о в, объективированных фраземами. Это крайне важно, в частности для когнитивно-культурологической теории фразеологии, поскольку фразеологическое значение формируется в результате ***вторичного отражения*** культурно-исторического опыта народа. При этом мы исходим из того, что фразеологическое значение объективирует в языковом сознании не столько внеязыковые знания, но и знание внутренних механизмов языка, что обеспечивает речевую гармонию между концептами, вербализующимися фраземами, и дискурсивным содержанием фраземы.

Объектом исследования является фразеологическая семантика, отражающая образно-ассоциативный план концептосферы русского языка, её ценностно-смысловые топики как своего рода конструктивные узлы русского языкового сознания.

Предмет исследования – когнитивно-дискурсивные механизмы формирования фразеологического значения и закономерности его дискурсивной объективации в текстах разных жанров и стилей.

Цель настоящей работы – исследовать когнитивно-дискурсивную и когнитивно-прагматическую сущность фразеологического значения и дискурсивные условия его реализации в речи.

Гипотеза исследования. Предполагается, что фразеологическое значение является продуктом не столько эпистемологической деятельности человека, основанной на принципах отражательной семантики, сколько продуктом деятельности когнитивно-дискурсивной, порождающей потребность в вербализации скрытых, косвенно-производных номинаций (таковыми являются, прежде всего, фраземы), в которых интегрируются результаты разнообразной опытно-предметной деятельности, начиная от чувственно-образного до обыденно-понятийного познания. Разумеется, между этими полярными категориями когнитивно-дискурсивному исследованию подлежат процессы концептуализации и категоризации других синкретических, переходных форм познания, опирающихся на интеллектуально-образные механизмы (средства, способы) формирования концептосферы русского языка и соответствующего ей русского языкового сознания, образно-дискурсивный компонент которого представлен фразеологической семантикой.

Достижение поставленной цели и доказательство гипотезы обусловило постановку следующих **исследовательских задач**:

– разработать методологические основы когнитивно-дискурсивного исследования фразеологической семантики; выделить и обосновать основные категории исследования когнитивно-дискурсивной сущности фразеологической семантики;

– определить статус «модели мира», «образа мира», «картины мира», «концептуальной картины мира» в когнитивно-семантической системе русской фраземики;

– установить имплицитно существующие в языковом сознании корреляции между структурами знания, их категоризацией и фразеологической

репрезентацией с целью познания когнитивно-дискурсивных механизмов формирования фразеологического значения;

– смоделировать и описать систему базовых концептов русской фраземики путем изучения соотношения категорий фразеологической семантики и дискурса;

– выявив культурно-прагматический потенциал русской фраземики, изучить дискурсивно-семиологические механизмы реализации фразеологического значения в когнитивно-смысловом пространстве текстов разных жанров и стилей.

Материалом исследования послужила авторская фразеологическая картотека, содержащая около 5 тысяч фразем более чем в 9-ти тысячах контекстуальных употреблений.

Источником формирования данной фразеологической картотеки служат произведения русской художественной литературы (прозаические и поэтические) XIX – XXI вв. и публицистические тексты последнего десятилетия XX – начала XXI вв., а также современные информационные материалы масс-медиа.

Теоретические основы исследования. Базой когнитивно-дискурсивного исследования фразеологического значения послужили основополагающие труды отечественных и зарубежных ученых, разрабатывавших теорию фразеологической семантики (А.М. Бабкин, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.Л. Архангельский, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Josip Matešić, Jozef Mlacek, František Čermák и др.).

Формирование когнитивно-дискурсивной теории фразеологического значения – результат многолетних исследований целого корпуса учёных, в русле которых стали возможными и наши теоретические обобщения исследуемых в диссертации процессов речемыслительной объективации вторичной интерпретации отраженной в сознании картины мира.

Фразеологические исследования А.М. Бабкина, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, S. Skorupka, посвященные основам фразеологии, нашли дальнейшее развитие в учении о косвенно-производной (фразеологической) репрезентации оценочно-экспрессивной зоны в многоярусной структуре концептосферы русского языка.

Сущностные характеристики фразеологического значения как особой семантической категории, данные В.Л. Архангельским и В.П. Жуковым, во-первых, могут найти продолжение в исследовании когнитивно-семантического взаимоотношения таких явлений, как ***фразеологическое значение – смысл – концепт***; во-вторых, служат основой для построения когнитивно-семантических корреляций базовых категорий – ***фразеологического значения, концепта и дискурса***.

Идеи В.Л. Архангельского о семиотической сущности фраземы, направившие исследования фразеологического значения в русло ономасиологии – от реалии к её отражению в человеческом сознании, а от него к косвенно-производному знакообозначению – получили развитие в аспектных исследованиях фразеологического значения: (а) когнитивно-дискурсивного

механизма его формирования; (б) в представлении фразеологического значения как семантической структуры, элементы которой представляют разные грани вторичного интеллектуально-чувственного отражения действительности; (в) в дискурсивно-ассоциативном переосмыслении фраземообразующих компонентов.

Обращение к концепциям В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.П. Жукова и А.М. Мелерович о внутренней форме фразем как первичном ***конкретном*** представлении о предметах, явлениях или событиях, которые послужили основой для соответствующих образных обобщений, определило новые перспективы в изучении начальной стадии когнитивно-дискурсивного фраземообразования. Это позволяет открыть новые стороны в сущности внутренней формы фраземы, рассматривать её как интегрированный признак, содержащий в себе деривационную память об источниках фраземообразования номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера. Именно это свойство позволяет внутренней форме фразем представлять не отдельные предметы, а целые денотативные ситуации, что позволяет выявлять дискурсивно-событийные стимулы и дискурсивно-культурологических факторы формирования фразеологического значения.

Метод структурно-семантического моделирования, разрабатываемый в трудах В.М. Мокиенко для историко-этимологического анализа фразем, стимулирует ретроспективный поиск когнитивных моделей, по которым была создана та или иная косвенно-производная единица. Структурно-семантическое моделирование как средство этимологического анализа, в процессе которого вскрываются знания, связанные с первичными механизмами фраземообразования, служит отправной точкой когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения.

Синергетический подход Н.Ф. Алефиренко к пониманию и описанию знаков прямопроизводной и образной номинации позволяет формировать методологическую базу для разработки когнитивно-дискурсивной теории фразеологического значения.

В качестве **единицы исследования** фразеологической семантики с позиций когнитивно-дискурсивного подхода была выделена косвенно-производная единица, обозначенная как **фразема** – аналитический по форме, но семантически целостный и синтаксически неделимый языковой знак, который своим возникновением и функционированием обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа.

Изучение фраземы как косвенно-производного средства формирования концептосферы русского языка позволяет установить реальные корреляции между структурами знания, их категоризацией и фразеологической репрезентацией. Фраземы в современной культуре выступают своеобразными семиотическими кодами, через которые во временном пространстве проявляется связь истории с человеком, духа – с сознанием.

Фраземы, связанные определенным дискурсивным пространством, являются, с одной стороны, одновременно моделью и реальностью как

древнейшей картины мира, так и культуры – с её устойчивыми, законченными, истинными смыслами. А с другой стороны, такие фраземы готовы к мобилизации человечеством для неустанного созидания смысла, что объясняется многомерностью языковой модели мира, связанной с выделением в ней множества взаимосвязей.

Фраземы как репрезентаторы моделей мира несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов. Фраземы способны кодировать объекты отражения благодаря лингвокреативному мышлению, предполагающему категоризацию предметов мысли, а также фиксацию наиболее значимого для модели мира национально-культурного опыта как аккумулируемого результата ценностной деятельности народа в её структуре.

Решение выдвинутых в работе задач расширяет рамки теории фразеологической семантики, уточняет ее категориальный аппарат («концепт», «базовый концепт», «модель мира», «образ мира», «картина мира», «концептосфера», «концептуальное пространство», «дискурс», «дискурсивное пространство», «дискурсивное поле», «фасета», «культура», «символ», «языковой образ»).

Методологической основой исследования служат**:**

1) философская доктрина о связи языка и мышления; диалектические принципы всеобщей связи и развития, определяющие принципы исследования языка;

2) философские категории (а) деятельности, в рамках которой выделяется понятие когнитивно-дискурсивной деятельности человека – создателя и носителя фразеологического значения; (б) соотношение чувственного и рационального коррелятов познания; (в) лингвофилософское положение о взаимодействии языка и культуры **(**Д.С. Лихачев, А. Вержбицкая, В.Н. Телия**)**, о диалектическом единстве формы и содержания;

3) **идеи** В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни, Ю.Д. Апресяна, С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Ю.Н. Караулова, М.А. Алексеенко, А. Вежбицкой о способах вербального кодирования культурной информации, о функциях концепта и его отношении к другим ментальным и языковым единицам;

4) положения **когнитивной** (Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, Р.Й. Павилёнис, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор и др.) и **коммуникативно-прагматической** (Н.Д. Арутюнова, А.М. Мелерович, В.Н. Телия, А.М. Эмирова, Е.А. Добрыднева, О.С. Столнейкер и др.) лингвистики; а также теория речемыслительного отражения, разработанная в рамках когнитивной лингвистики;

5) **теория дискурса и текста** (М.М. Бахтин, Т.А. ван Дейк, К. Маккьюин, М. Фуко, Н.Д. Арутюнова, А.А. Кибрик, Н.Ф. Алефиренко, А.В. Полонский, М.Л. Макаров и др.);

6) **теории фразеологии** (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.Л. Архангельский, В.П. Жуков, Н.Н. Амосова, О.С. Ахманова, А.И. Смирницкий, В.М. Мокиенко, З.Д. Попова, В.Н. Телия, Е.И. Диброва, А.В. Кунин, Л.И. Ройзензон, Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чернышева, Wolfgang Eismann и др.).

Для реализации поставленных в работе задач в диссертации разработан метод когнитивно-дискурсивного анализа фразеологической семантики, включающий элементы:

1) *метода фраземообразовательной комбинаторики*, разработанного Н.Ф. Алефиренко, который диалектически включает в себя компонентный анализ и компонентный синтез, позволяя глубоко и последовательно исследовать речемыслительные механизмы формирования фразеологического значения;

2) *метода структурно-семантического моделирования*, разработанного В.М. Мокиенко для историко-этимологического анализа фразем, в той его части, которая стимулирует ретроспективный поиск когнитивных моделей, по которым была создана та или иная косвенно-производная единица.

3) *метода контекстуального анализа* Н.Н. Амосовой, используемого при исследовании дискурсивной реализации семантики фразем в условиях того или иного языкового и внеязыкового микро- и макроконтекстов в структуре текстов различных жанров и стилей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые 1) осуществлён когнитивно-дискурсивный подход к интерпретации фразеологического значения; 2) определены когнитивно-дискурсивные условия порождения и понимания фразеологической семантики; 3) установлены коррелятивные связи между когнитивными структурами и типами объективирующих их фразеологических значений; 4) введено понятие «фразеологическая фасета» для выделения интерпретанты дискурсивного поля, в рамках которого семиотическое содержание объекта культуры переводится в семантическое содержание фраземы; 5) раскрыта культурно-когнитивная основа соотношения понятий «дискурсивное пространство» и «дискурсивное поле» – среды когнитивно-метафорической и когнитивно-метонимической фразеологизации; 6) выявлены закономерности взаимоотношения фразеологической семантики с элементами культурно-дискурсивного пространства, являющегося, с одной стороны, источником фраземообразования, а с другой – средой существования фразеологических значений – одного из основных факторов формирования русской ментальности как органического единства выраженных (представленных) во фразеологическом значении элементарных смыслов на уровне языкового сознания и языкового подсознания.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью применения основных идей и положений к исследованию (а) когнитивно-дискурсивной сущности таких знаков вторичной и косвенно-производной номинации, как метафорические и метонимические сочетания, пословично-поговорочные речения, дискурсивные формулы и т.п.; (б) базовых концептов

концептосферы русского языка в целом; (в) коррелятивных взаимоотношений между значением языковых единиц вторичного семиозиса, концепта и дискурса; (г) дискурсивно-культурологических факторов порождения семантики языковых знаков косвенно-производного характера.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фраземы как косвенно-производные средства репрезентации образно-эмотивной зоны концептосферы русского языка находятся в отношениях скрытой корреляции со структурами знания, их категоризацией и фразеологической объективации. Исследование роли фразем в процессах категоризации и концептуализации мира позволило выявить специфику фразеологического значения в его отношениях с основными когнитивными категориями: 1) в отношении с концептосферой русского языка фразеологическое значение репрезентирует базовые концепты русской лингвокультуры, связанные с этнокультурными константами русского менталитета; 2) в отношении с картиной мира фразеологическое значение является генератором и интегрированным носителем универсальной и идиоэтнической информации, смысловое ядро которой генетически связано с представлениями-архетипами; 3) фразеологическая семантика в эпидигматике языкового сознания сохраняет образ мира, сформированный в социально-культурных анналах исторической памяти народа как ценностно-смысловой инвариант фразеологической модели «Человек в мире и мир человека».

2. Этнокультурная специфика фразеологической семантики обусловливается особой культурологической значимостью фразем, природой их когнитивных категорий, совмещающих в себе универсальное и идиоэтническое отражение реального и «возможных миров» (термин Л. Витгенштейна), служащих когнитивным субстратом фразеологической семантики, которая представляет в языковом сознании субъективную интерпретацию концептуальной картины мира в виде амальгамы фразеологической семантики, концепта и дискурса. При этом целесообразно различать (а) *дискурсивное пространство* фраземы, характеризующееся протяжённостью и объёмом, – интернациональную категорию, представляющую собой речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации и (б) *дискурсивное поле* фраземы – пространственную идиоэтническую категорию, в пределах которой проявляется ***взаимодействие*** идиоматики, сознания и культуры.

3. Когнитивно-семантическое моделирование фразеологического значения предполагает выявление соотношения и взаимодействия семантики фразем и лежащих в их основе знаний, отформатированных в виде представлений, образов, концептов и фреймовых структур. Система фразеологических значений как интерпретированного в ценностно-смысловой парадигме субъективного компонента русской ментальности определяет лингвокультурную компетенцию человека, которая определяется в своей основе подсознательной актуализацией в языковом сознании (а) стереотипных

выражений, (б) знаков-символов и (в) образных структур косвенно-производного характера, существенно расширяющих креативные возможности языка в познании действительности и репрезентации культуры.

4. Специфика речемыслительной природы фразеологической семантики обусловливается особенностями когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Когнитивным субстратом фразеологической семантики является концепт – единица языкового сознания, которая проецирует его этнокультурную специфику во внутреннюю форму фраземы, обусловливающую фразеологические коннотации, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал фраземы. Концепты служат конструктивным смыслообразующим центром того дискурсивного поля, в рамках которого формируется фразеологическая семантика.

5. Дискурсивное пространство устойчивых денотативных ситуаций является естественным источником порождения единиц косвенно-производной номинации, способных одновременно репрезентировать социальную, мировоззренческую и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов. «Оязыковлённое» фраземой знание превращается, таким образом, в семиотический элемент языкового сознания. При этом все формы знания, приведённые в соответствие с социально-культурной структурированностью мира, становятся одновременно и объектом косвенно-производной интерпретации отражённого мира, ранее объективированного знаками первичной номинации.

6. Когнитивно-дискурсивная активность фразем в речи-мышлении обусловливается актуальностью для современного языкового сознания экспрессивно-образными ассоциациями ингерентного и адгерентного характера, порождаемыми взаимодействием первичных и вторичных денотатов фраземообразующего прототипа. В процессе фраземообразования более активными оказываются те лингвокреативные ассоциации, которые связаны с предметно-чувственным отражением действительности.

7. В процессе смысловой реализации фразеологического значения в текстах различных жанров и стилей проявляется адаптация фразем к авторскому идиостилю. Фразема, попав в авторскую семантико-стилистическую систему, становится элементом соответствующего дискурсивного поля, где изначальными стимулами к концептуальной организации фраземы выступают не столько первичные денотаты и сигнификаты её лексических компонентов, сколько продукты лингвокреативного мышления – результат взаимодействия языковых, когнитивных и культурных смыслов. Жанровые векторы фраземообразующего дискурса, коммуникативно-прагматические установки коммуникантов создают различные семантические варианты фразем и модификации их смысловых реализаций в соответствии с денотативными ситуациями высказывания.

Практическое значение работы заключается в том, что ее теоретические положения исследования могут найти применение в вузовских курсах русского

языка, в курсе стилистики, в спецкурсах по изучению семантики языковых единиц и по лингвокультурологии, а также в практическом курсе преподавания русского языка как иностранного. Впервые в лексикографической практике реализованы теоретические подходы когнитивно-синергетического фразеографирования во «Фразеологическом словаре: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики».

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования изложены в докладах и сообщениях, обсужденных на научных форумах разного уровня: «Лингвистическая панорама рубежа веков» (Волгоград, 2000); «Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение» (Астрахань, 2004,2005); Международная научная конференция «Фразеология и идиоматика языка специальности в синхронии и диахронии» (Словакия, г. Братислава, 2004) / Фразеологическая комиссия Комитета славистов; Европейское общество фразеологов "EUROPHRAS"; «Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи. X юбилейная научная конференция «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург, 2005); «Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации» (Волгоград, 2005); «Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование» (Белгород, 2005); «III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Кутенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания» (Казань, 2006); «Журналистика и медиаобразование» (Белгород, 2006); «Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования» (Самара, 2006); «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)» (Санкт-Петербург – Кострома, 2006); «Славянская фразеология и прагматика» (Хорватия, г. Загреб, 2006), XI конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 2007); «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты» (Ростов-на-Дону, 2007); «Русский язык в поликультурном пространстве» (Астрахань, 2007) и др.

Содержание исследования отражено в 56 публикациях (74,2 п.л.), в том числе 2-х монографиях, учебном пособии, фразеологическом словаре и 52 научных статьях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (методологической и специальной), списка использованных в работе словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяется цель и задачи работы, раскрывается ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, дается представление о материале и методике его исследования.

В первой главе **«Фразеологическая семантика в когнитивно-дискурсивной парадигме современной науке о языке»**

рассматриваются п р о б л е м ы (а) взаимодействия косвенно-производной номинации с процессами вторичной категоризации мира, (б) косвенно-производной репрезентации концептосферы русского языка. Представленные в семантической структуре фраземы символы культуры служат своеобразной формой существования этнокультурного сознания.

Во фраземике отражается в преобразованном лингвокреативными процессами виде и физическая картина мира, и социально-психические состояния человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром. В этом смысле фразеологическая семантика насквозь антропоцентрична: человек – носитель культуры, определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках номинирована различными терминами – «картина мира», «концептуальная система мира», «модель мира», «образ мира» – и, соответственно, рассматривается с разных точек зрения. Введение в лингвистическую практику такого калейдоскопического терминообозначения обусловлено исследованиями, посвященными проблеме «человек в языке и язык человека» во всем её многоаспектности и сложности, что непосредственно связано с вторичным картированием мира.

Каждая из этих систем представляет собой относительно завершенный и целостный фрагмент г л о б а л ь н о г о о б р а з а м и р а, который, является основой субъективного миропонимания, результатом духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности, так или иначе получившей отображение во фразеологической семантике. В итоге, глобальный образ мира усилиями коллективной лингвокреативной деятельности этнокультурного сообщества превращается в этноязыковую картину мира, поскольку, во-первых, этносы используют разные средства (в т.ч. и фразеологические) интериоризации и семиотизации открытого для себя (познанного) мира; во-вторых, у каждого из них уже имелась ранее сложившаяся система мировосприятия, обусловившая специфику концептосферы национальной идиоматики.

М о д е л ь м и р а является отображением всей суммы представлений о мире внутри различных этносов. Вместе с тем следует отметить с т р у к т у р н ы й х а р а к т е р модели мира, который во фраземике проявляется в каждой культуре в виде взаимосвязанных универсальных понятий, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего культурно-исторического посыла.

Категория этнического в сфере идиоматики находится в диалектном единстве с категорией универсального. «Сплетение национального и интернационального, – пишет В.М. Мокиенко, – происходит постоянно: <…> любой оборот, заимствованный из другого языка, вливаясь в новую среду, так или иначе приспосабливается к ней и в итоге “национализируется”. Даже тогда, когда этому препятствует <…> непонятность буквального смысла или иная система письма»[1]. К такого рода фразеологическим универсалиям относятся

[1] Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии, – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – С. 8.

единицы, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, известных литературных источников или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие работы общих механизмов человеческого мышления, близости отдельных условий жизни, трудовой деятельности, развития науки и искусств. Среди них имеется немало фразем, связанных с историческими или мифологическими личностями. В таких случаях русские фраземы имеют эквивалентные единицы в разных языках: 1) рус. ***ахиллесова пята,*** англ. ***Achilles' heel***, фр. ***talon d'Achilles***, нем. ***Achilles Ferse***, чеш. ***Achilova pata***, болг. ***ахилесова пета***; 2) рус. ***пиррова победа,*** болг. ***пирова победа,*** англ. ***Pyrrhic victory,*** фр. ***victoire a la Pyrrhus*** и др. Такие фраземы в современной лингвокультуре выступают своеобразными семиотическими кодами, которые связаны дискурсивным пространством архитипных мифологем.

Фраземы как репрезентаторы моделей мира несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов, сложившихся в определённом этнокультурном сообществе. Единицами косвенно-производной номинации они выступают благодаря лингвокреативному мышлению, специализирующемуся на категоризации (Г.В. Токарев) отражённых в сознании и уже ранее вербализованных объектов, представляющих наиболее значимый для данной модели мира национально-культурный опыт – аккумулируемый продукт ценностно-смысловой деятельности народа. Так, сравнение русской и английской фразем ***буря в стакане воды*** и ***a storm in a tea-cup*** (букв. “буря в чайной чашке”) показывает, что вербализуют они один и тот же концепт «Волнение». Неполное совпадение компонентного состава обусловлено различиями в предметах бытовой культуры русских и англичан: *стакан – чашка*. Однако принадлежность соответствующих слов к одной тематической группе не влияет на тождество их фразеологической семантики – ‘спор, шум, волнения из-за пустяков, по ничтожному поводу’.

Концепт – «Лесть» – может быть репрезентирован русской фраземой ***Сахар Мёдович*** – ‘льстивый, слащавый человек’, а в английском языке – фраземой ***all sugar and honey*** (букв. “весь из сахара и меда”). В английском языке отсутствует структура имени и отчества, поэтому английская фразема образована по иной модели «местоим. + сущ. + сущ.». Частичное совпадение компонентов при различной грамматической структуре объясняется общими фоновыми знаниями у носителей обоих языков, связывающих культурно маркированные единицы языка с соответствующими «квантами» материальной культуры.

Таким образом, реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отраженную модель мира, которая для фразеологической семантики является порождающей моделью, состоящей из набора взаимосвязанных универсальных категорий в каждой лингвокультуре.

Фразеологические м о д е л и м и р а различаются в силу того, что отображают различные представления о мире внутри различных этносов в виде

взаимосвязанных универсальных понятий в каждой лингвокультуре, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего культурно-исторического посыла. Являясь духовным феноменом, фразеологическая модель мира как образование языковой природы в своей структуре имеет план выражения и план содержания, проявление которых зависит от языковой ментальности.

Выявив структурный характер фразеологической модели мира, которая является порождающим механизмом, который можно представить в виде схемы, заполняющейся продуктами категоризации объектов действительности, являющимися содержанием фразеологической картины мира (ФКМ).

Рис. 1. Схема фразеологического образа мира

Фразеологический образ мира как систематизированная совокупность образов, через которые осознаётся как сам мир, так и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отраженной действительности, составляет ядро ФКМ. Картина мира расширяется в результате изменения фразеологического образа мира, фрагменты которого постоянно взаимодействуют, стимулируют новые догадки и неожиданные ассоциации, обогащаются новыми современными знаниями, что ведёт к изменению и расширению общего «каркаса» картины мира – модели мира.

Представления о мире, связанные с когнитивным опытом, эмоциональными переживаниями человека, его рефлексией, размышлениями, интуицией и т.п. отражаются во фразеологическом о б - разе мира как абстрактном инварианте восприятия мира (А.А. Леонтьев). Такое восприятие действительности обладает этническими константами, ценностями, принципами, традициями, представлениями о жизни, о мироздании и является отражением целостного восприятия мира, сложившегося в длительном процессе исторического развития народа и способного быть представленным фразеологическими образами. Например, в таких русских фраземах, как ***бегать (бежать) как чёрт от ладана*** от кого, *избегать как чёрт ладана* кого – ‘любыми средствами стремиться избавиться от чего-, кого-либо; всячески избегать кого-, чего-либо’; ***у чёрта на куличках (к чёрту на кулички)*** – *прост.* ‘очень далеко; неизвестно где, в глуши’, – превалирует образ «нечистой силы». А в чешских фраземах, имеющих семы ‘избавляться от’, фигурируют элементы ландшафта и природного мира. Ср. фраземы ***posilati do háje*** – ‘посылать к чёрту’ (букв. “посылать в лес”); ***je za horami*** – ‘его и след простыл’, ‘он очень далеко’ (букв. “он за горами”); ***jdi k šipku*** – ‘иди к чёрту’ (букв. “иди на шиповник”). Разные «фразеологические»

призмы мировидения свидетельствуют о том, что фразеологический образ мира хранится в менталитете народа или отдельных его социальных групп и передается из поколения в поколение.

Понятие «картина мира» в лингвокогнитивных исследованиях по фразеологической семантике относится к числу фундаментальных понятий (см. работы В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Кирилловой, Е.В. Брысиной, Л.Ю. Буяновой, Е.Г. Коваленко), выражающих этнокультурную специфику бытия человека, взаимоотношения его с окружающим миром**.**

Однако в семантическом пространстве любого языка существуют когнитивные конструкты, которые принято именовать «в о з м о ж н ы м и м и р а м и», что во фраземике представлено как нечто мыслимое и переживаемое человеком, то, что не отражает прямо номинативные реалии. Воображение человека способно освободить его от рамок реально видимого, благодаря созданию картин, которые иногда называют «реальностью нереального». Ср.: ***ни жив ни мертв*** – *разг.* ‘очень сильно испуган; в состоянии такого страха, ужаса, когда не может произнести ни слова, не может пошевелиться’; ***зарубить <себе> на носу*** ч т о – *разг.-прост.* ‘1) запомнить крепко-накрепко, навсегда (обычно о чем-л. очень важном, необходимом и т.п.), 2) запомнить крепко-накрепко, сделав на будущее соответствующие выводы’; ***кусать <себе> локти*** – *разг.* ‘досадовать; сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном’.

Сложная взаимосвязь предметно-практической и ФКМ имеет характер двусторонней зависимости. С одной стороны, предметно-практическая деятельность порождает ФКМ и оказывает на неё постоянное влияние: уточняет, «дорисовывает» и «перерисовывает» её отдельные фрагменты. С другой стороны, картина мира – универсальный регулятив – предопределяет ФКМ и приводит к модификациям, которые представлены и установлены самим человеком. Поэтому наряду с понятием «к а р т и н а м и р а» в когнитивной фразеологии оказалось достаточно востребованным понятие «фразеологическая к а р т и н а м и р а», имеющее двойственную природу. С одной стороны, это некое идеальное, ментальное образование – сумма предметных значений и представлений о реальном мире, с другой стороны, это косвенно-производное образование, объективированное фразеологическими значениями.

При сопоставлении фраземики разных языков выявляются существенные по своей национально-культурной специфике зоны русской ФКМ. Так, для концептосферы, представляющей русскую ФКМ, некоторые сущностные характеристики культурно значимого концепта «Труд» вербализованы фраземами библейского происхождения. Ср.: ***в поте лица <своего> (трудиться, работать, есть хлеб свой)*** – ‘с большим усердием, напряжением, прилагая большие усилия’, ***почить от дел (трудов) праведных*** – *книжн.* ‘перестать заниматься какой-л. деятельностью, уйти на отдых’. Эти библеизмы коннотативно представляют в целом идею необходимости тяжелого, но полезного труда. Эмотивная коннотация фразем, находящаяся в традиционно позитивном спектре «одобрения», соответствует в русском обыденном

сознании социокультурному содержанию/оценке концепта «Труд». В противопоставление этому в концептосфере французского языка библеизмы-аналоги ***à la sueur de ton front*** – ‘в поте лица’ и ***tout travail mérite salaire*** – букв. “всякий труд заслуживает награды/платы” – не являются употребительными. Можно предположить, что во французской ментальности библейская прескрипция *трудиться в поте лица*, искупая (в библейском контексте) первородный грех ради обретения спасения, не закрепилась и не является образцом восприятия трудовой деятельности. Концептуальное содержание «Труда» отражено во французской концептосфере небиблейской фраземикой. Ср.: ***travailler comme un ange*** – ‘работать как ангел, т.е. прекрасно выполнять своё дело’, ***se tuer à la peine*** – ‘напрасно убиваться, т.е. изнурять себя работой, часто не достигнув результатов’ и т.п., что имплицитно определяет восприятие и смыслы некоторых реалий окружающего мира.

Следовательно, ФКМ – это одно из фундаментальных понятий и рассматривается как компонент мировидения человека, как совокупность общечеловеческих и индивидуальных знаний о мире, как результат творческого отражения в нашем сознании не только действительного мира, но и нечто мыслимого, переживаемого нами, хотя и не отражающее реальности.

ФКМ, в основе которой лежит фразеологическая модель мира (ФММ), теснейшим образом связанная с концептуальной картиной мира (см. рис. 2), имеет собственное концептуальное содержание, где основной единицей выступает концепт – имя того или иного дискурсивного поля и тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс – деривационная база знаков косвенно производной номинации.

Концептуальная картина мира – это все имеющиеся у человека образы и представления о действительности. Хранителем образов и представлений является язык, где закрепляются элементы действительности в его номинативных единицах, в том числе и фразеологические образы. В то же время фразеологическая подсистема языка – это косвенно-производное средство получения нового знания о мире. Бесспорным является разграничение понятий «фразеологическая картина мира» и «концептуальная картина мира», где первое является частью второго и заключает в себе особое мировосприятие и мировидение народа.

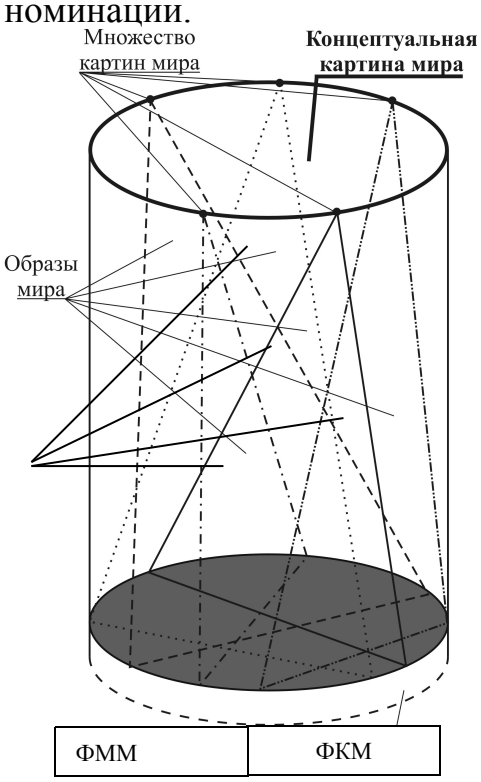


Рис. 2. Схема соотношения концептуальной картины мира и ФКМ

В свою очередь концептуальная картина мира – это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в сознании индивида.

Единицей информации такой системы является ***концепт***, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира, где каждый представитель этнокультурной общности свободно оперирует концептами для объективации мысли и её фразеологической объективации во внешней речи.

Концептуальное содержание фраземы распределяется между ядром (интенсионалом) фразеологического значения и его импликационалом. Специфику фразеологического значения обусловливают следующие факторы: семантическое ядро составляют его коннотативно-прагматические смыслы, а периферию – предметно-понятийные. Минимальной единицей, возникающей в процессе формирования концептуального содержания фраземы, является фразеологический концепт – когнитивный субстрат фраземообразования. В зависимости от доминирующей формы познания образование фразеологических концептов происходит разными способами:

◆ на основе непосредственного восприятия объекта органами чувств, то есть на основе чувственного опыта, ср.: ***принимать <близко> к сердцу, брать за душу, кусать <себе> локти (локоть), навязнуть в зубах*** и т.п.;

◆ на базе теоретической и практической познавательной деятельности, ср.: ***витать в эмпиреях, нести околесицу, черный ящик*** и т.п.;

◆ в результате предметно-практической или мыслительной деятельности, ср.: ***доводить до белого каления, мерить на свой аршин, на одну колодку сделаны, тарабарская грамота*** и.т.п.;

◆ на основе общения с использованием вербальных и невербальных средств, ср.: ***пальца (палец) в рот не клади, прикусить язык, прожужжать все уши, язык без костей*** и т.п.

Указанные способы концептуализации, в процессе структурирования результатов обработки информации во фразеологический концепт, как правило, существуют не в «чистом», а в комбинированном виде.

Когнитивный этап смыслообразования фраземы как знака косвенно-производной номинации – это такая концептуализация знаний, в процессе которой происходит не смысловое дополнение и периферийная корректировка уже структурированного и вербализированного концептуального образования, а рождение новой (косвенно-номинативной) концептуальной структуры. Необходимо также помнить, что интериоризируются не внешние (вещные) объекты, а их предметные значения и смыслы. Например, во фраземе ***котелок не варит*** у к о г о – *прост. шутл.* или *ирон.* ‘кто-либо несообразителен, недогадлив’ – компонент *котелок* реализует метафорический смысл ‘*голова’*. Обращение к сущности предметного значения слова *голова*, представленных в этимологии различных языков позволяет, объяснить механизмы преобразования минимальных свойств и признаков познаваемого предмета в элементарные смыслы структуры фраземы. Так, итальянское и испанское слово *testa* и французское *tête* (букв. “голова”, “разум”) этимологически восходят к латинскому *testa* (букв. “черепок, горшок”). Чувственно-наглядный образ

«пустой» головы в структуре представления формирует фразему, смыслогенерирующим центром которой выступает образ пустого горшка, чашки или котелка.

Фразеологические концепты формируются в результате своеобразного членения и интерпретации концептуальной картины мира на некие микромиры, соответствующие всем возможным ситуациям, известным человеку и поэтому называемым «возможными мирами» дискурса. Понимая дискурс как речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами (Н.Ф. Алефиренко), рассматриваем его в качестве смыслогенерирующего источника фразеологической семантики. Так, «Терпение» – один из базовых концептов, определяющих русскую ментальность. Возведённое в ранг страдания, терпение является сутью непоколебимости русского характера. Например, фразема ***знать / узнать, почём фунт лиха*** – ‘испытать в полной мере горе, трудности’ – генетически связана с Лихом Одноглазым, мифическим существом, приносящим людям несчастье. *Фунт лиха* – ‘символическая мера бед и несчастий, переживание которых достаётся человеку большой ценой’. Цена эта познаётся через испытание каждым человеком бед и несчастий. Из сплава терпения и потребности в страдании рождается такая форма проявления национальной стойкости, как непротивление злу насилием. Ср.: ***нести <свой> крест, тянуть душу, нож в сердце*** и т.п.

Рассматривая место ФКМ в концептосфере русского языка, имеющей полевую организацию, выделяем в ней ядерную и периферийную зоны (см. рис. 3). Имплицитная часть ядерной зоны концептосферы русского языка представлена фраземикой, репрезентирующей базовые концепты русской лингвокульту-ры, которые, хотя и находятся, как правило, на уровне нашего подсознания, связаны с этнокультурными константами русского менталитета.

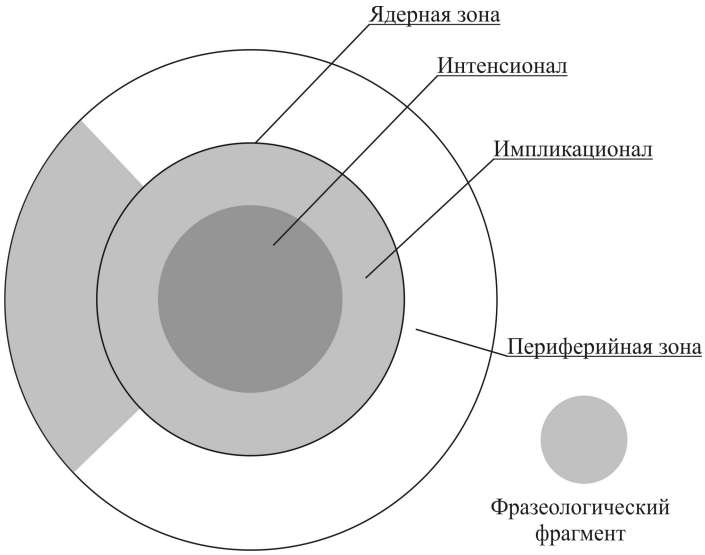


Рис. 3. Фразеологический фрагмент концептосферы русского языка

Идеографическая схема прослеживает определённую историю, уходящую корнями в народный быт, где каждая фразема объективирует «живой кусок русской жизни в ретроспективе» (В.М. Мокиенко).

Основными макроконцептами, конструирующими фразеологическую картину мира, являются:

✦ Природа, животный и растительный мир: ***на чём свет стоит, выйти сухим из воды, как с гуся вода, как курица лапой, где раки зимуют, медведь на ухо наступил*** **кому,** ***белены объелся, ободрать как липку*** и др.

✦ Реалии повседневной жизни прошлого: ***задать баню*** к о м у *,* ***не ко двору, дым коромыслом, из кулька в рогожку, закусывать удила*** и др.

✦ Трудовые процессы**:** ***через пень колоду, не мытьем так катаньем, хоть пруд пруди, попасть впросак, бить баклуши*** и др.

✦ Единицы измерения (меры времени, длины, веса; денежные единицы): ***без году неделя, как аршин проглотил, за семь вёрст киселя хлебать, от горшка два вершка, с три короба, ломаного гроша не стоит*** и др.

✦ Игры, развлечения**:** ***играть в бирюльки, жив курилка, биться об заклад, играть в жмурки*** и др.

✦ Народная кухня и пища: ***печь как блины, седьмая вода на киселе, калачом не заманишь*** к о г о *,* ***тёртый калач, заварить кашу*** и др.

✦ История: ***в бегах, ни бельмеса не смыслить, как Мамай прошёл, коломенская верста, казанская сирота, узнать всю подноготную*** и др.

✦ Семья и родственные отношения: ***Иван, не помнящий родства, сбоку припёка (припёку), седьмая (десятая) вода на киселе*** и др.

✦ Этикет: ***милости просим, бить челом, прийти к шапочному разбору, не поминай лихом, с лёгким паром, не солоно хлебавши*** и др.

✦ Профессиональная деятельность: ***пока суд да дело, судить да рядить, тянуть канитель, звонить во все колокола, наклеивать ярлык, тянуть лямку, вывести на орбиту, без сучка без задоринки*** и др.

✦ Обряды, суеверия, верования: ***бабушка надвое сказала, к чёртовой бабушке, бес попутал, как в воду смотрел, ни дна ни покрышки, вбивать осиновый кол, перемывать косточки, типун тебе на язык*** и др.

✦ Религиозные представления, связанные с христианством; старославянская книжность**:** ***ад кромешный, бездна (кладезь) мудрости, как на духу, как зеницу ока, земля обетованная, камень преткновения, одним миром мазаны, один как перст, притча во языцех, как у Христа за пазухой*** и др.

✦ Письменность, книжное дело: ***ни аза, от азов до ижицы, с азов, буква в букву, для галочки, филькина грамота, от доски до доски, прописать ижицу, плести словеса, ходить фертом*** и др.

✦ Художественная литература: ***кисейная барышня, с открытым забралом, медовый месяц, лебединая песня, путёвка в жизнь*** и др.

✦ Фольклор, народная речь, юмор: ***на авось, не ахти какой, по щучьему велению, тише воды, ниже травы, красна девица, кровь с молоком, рожки да ножки, ни слуху ни духу, вверх тормашками, за тридевять земель, при царе Горохе, ворон считать, дать берёзовой каши*** и др.

Дискурсивное пространство русской фраземики обусловлено ценностно-коммуникативной сущностью смыслового пространства культуры, которое не только обнаруживается, но и формируется в дискурсе. Можно выделить следующие разновидности дискурсивного пространства русской фраземики:

- дискурсивное пространство Библии;
- дискурсивное пространство мифологии;
- дискурсивное пространство русского фольклора;
- дискурсивное пространство ритуалов;
- дискурсивное пространство обрядов и обычаев;
- дискурсивное пространство древнерусского языка;
- дискурсивное пространство христианской религии;
- дискурсивное пространство литературы;
- дискурсивное пространство профессий;
- дискурсивное пространство речи известных деятелей;
- дискурсивное пространство исторических событий;
- дискурсивное пространство русских антропонимов;
- дискурсивное пространство топонимики и др.

Итак, под *дискурсивным пространством* русской фраземики мы понимаем речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации, внутри которого образуется *дискурсивное поле* – пространственная идиоэтническая категория, в пределах которой проявляется генетическая связь фразеологической семантики и дискурса.

Фраземы как знаки косвенно-производной номинации репрезентируют культурно значимые элементы менталитета русского народа. В них отражаются *правдоподобные* и *воображаемые* представления о реальном мире, обычаи и верования, давно забытые мифы и легенды. Например, фразема ***до морковкиного (морковина) заговенья*** – ‘неопределенно долго, до времени, которое никогда не наступит; до бесконечности’ – связана с обычаем обильного угощения перед постом. На лицо скрытый смысловой оксюморон: сочетание слова з*аговенье* (последний день, когда разрешалось есть молочную и мясную пищу, на которую во время наступившего затем поста устанавливался запрет) с «постной» *морковкой* осознавалось как шутливая формула невозможного. Фразема ***хождение по мукам*** – ‘тяжелые жизненные испытания, которым кто-л. подвергается в течение длительного времени’ – восходит к древнему верованию христиан в хождение умерших грешников по мукам, или по «мытарствам», в продолжение сорока дней, когда бесы подвергают их всяческим истязаниям.

Культурная информация, закодированная во фраземах, далеко не обязательно ограничена рамками одного языка и национально-специфическими средствами выражения. Так, один из самых мощных источников культурной маркированности и культурной информации в фраземике – Библия – присутствует в культуре и языках разных народов, признающий Ветхий и новый Заветы Священными книгами. Поэтому идиомы библейского происхождения имеют в разных языках одинаковые образные основания. Ср.: русск. ***испить горькую чашу, испить чашу до дна*** и франц. ***boire le calice jusqu’ alie*** – ‘перенести все невзгоды, тяжелые испытания до конца’; русск. ***соль земли*** и франц. ***sel de la terra*** – ‘наиболее активная, творческая сила народа’. Однако обнаруживается (а) национально-культурная специфика библеизмов в русской и французской культурах, обусловленная канонами

православного и католического вероучений, и (б) их влияние на семантику и прагматику современных библеизмов в сравниваемых культурах. Так, влияние православной культуры на принципы устроения домашнего очага во главе с мужчиной и зависимой от него женщиной нашли свое выражение в современной интерпретации культурного концепта «Женщина», вербализованного идиомой ***ребро Адама*** с ироничными или пренебрежительными коннотациями в русской культуре и французским аналогом ***cte d'Adam*** с нейтральными коннотациями. Употребительный в книжном регистре речи библеизм ***сосуд скудельный***, устойчиво ассоциируемый в русском менталитете с греховной сущностью женщины, не имеет фразеологического аналога в современной французской речевой культуре.

Репрезентируемые фраземами этнокультурные знания воспринимаются этнокультурной общностью как нечто очевидное, как бесспорно принятые нравственные аксиомы. Таким образом, знание превращается в семиотический элемент социальной жизни, и в данном качестве все формы знания, соответствующие социально-культурной структурированности мира, становятся одновременно элементами фразеологической семантики.

Этнокультурные знания, объективированные фраземами, форматируются определённым набором фасет, каждая из которых по-своему упорядочивает ФКМ каждого языка. Понятие фасеты (франц. *facette* – букв. 'грань'; ср. *филигранный* – 'отличающийся отделкой мельчайших деталей, тонко сработанный'), на наш взгляд, является оптимальным для выделения интерпретанты дискурсивного поля, внутри которого рождается и с которым сохраняет свою генетическую связь фразема, преобразующая соответствующее семиотическое содержание объекта культуры в семантику фраземы. Под **фразеологической ф а с е т о й** нами понимается **аспектное представление дискурсивного смысла «когнитивного многогранника», содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта – импликационала соответствующего фразеологического значения**.

Фразеологическую семантику русского языка представляют следующие фасеты:

◇ «верования», содержащие знания древних (например, языческие верования или религия Древней Греции) и современных религий; знания о предметах культа, оккультные знания, различных исторических, общественных и личностных факторов;

◇ «обряды», содержащие знания о традиционном порядке совершения каких-либо действий, связанных с определенными днями года (например, жатва) и бытовыми событиями (например, свадьба или похороны);

◇ «обычаи», содержащие знания традиционных правил поведения в определенных ситуациях, знания о традиционном порядке совершения каких-либо общественных действий;

◇ «нравственные ценности», содержащие знания о правосознании, морали, об отношении людей к свободе и собственности и т.п.;

◇ «искусство», содержащие знания, связанные с понятиями,

оборудованием, действиями в различных видах искусства;

◇ «исторические события», содержащие знания об исторических фактах и датах, об именах, вошедших в историю и память народа;

◇ «душа народа», содержащие знания о жизненных установках народа и его ментальности, знания образа жизни народа, правил социального поведения;

◇ «мифология», содержащие знания о древних богах и мифологических персонажах, праздниках, обрядах, основных понятиях и символах народной духовной культуры;

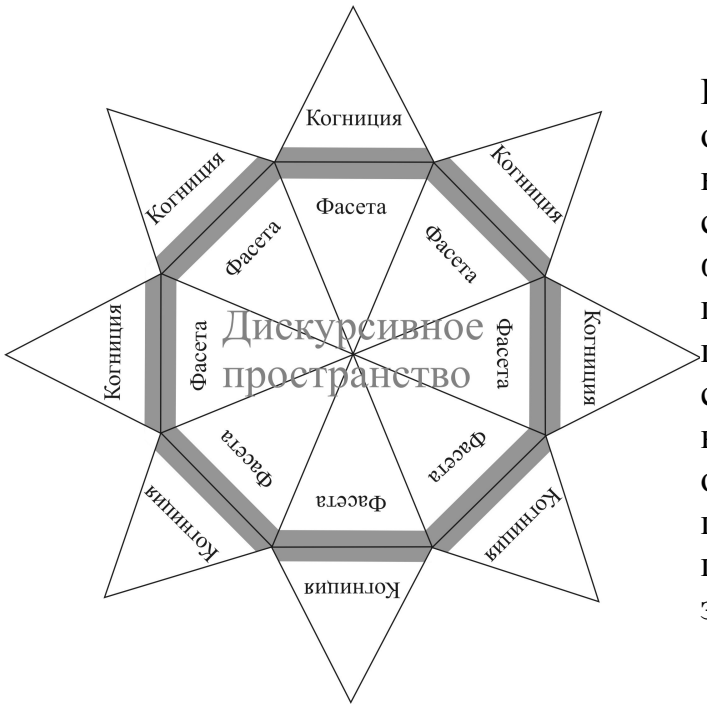
◇ «имя», содержащие знания ономастики;

◇ «архаизм», содержащие этимологические знания;

◇ «труд», содержащие знания о современных профессиях и древних ремёслах.

Перечень фасет, несомненно, можно было бы продолжить за счёт масштабности фразеологической интерпретации мира («быт», «природа», «колористика» и др.).

Дискурсивное пространство можно представить в виде многогранника, каждая грань которого является одновременно местом слияния когниции и преобразования этих знаний в фасеты как составляющие дискурсивное поле (в схеме: треугольники – дискурсивные поля), которое можно считать интерпретационной базой фразеологического значения. Когнитивно-дискурсивный анализ фразеологического оязыковления объектов культуры свидетельствует о том, что фраземикой отображаются наиболее глубинные слои языкового сознания (см. рис. 4).



Когнитивной основой эмотивно-оценочной репрезентации культурного знания является символическое представление, формирующееся в период преобразования предметно-практического познания в семиотическое мышление, когда в ценностно-смысловом ориентировании человека происходит разрыв между предметом и его прямым значением.

Рис. 4. Схема дискурсивного пространства

Так, *крест* и *ромб* – неолитические знаки земли. Символ земли в виде перекрещенного квадрата свидетельствует, что понятие «четыре стороны

света» связывалось с понятием «четыре страны света» или «четыре области земли». Ассирийские цари и правители Древнего Перу инки называли свои империи одинаково: «четыре стороны света». В этом случае знак воспринимается как часть предметной ситуации, в которой находится и сам человек. Это так называемая субъективная форма означивания. Возникновение языкового знака косвенно-производного характера ***идти на все четыре стороны*** – ‘полностью располагать собой; будучи независимым, свободным от каких-либо обязанностей, поступать так, как хочется’ – связано, как нам представляется, с символическим мышлением. В основе фразеологического значения лежат адгерентные ассоциации, сопряжённые со способностью человеческого сознания к познанию мира за счёт аналогий со свойствами иноприродных объектов, т.е. за счёт создания гипотез о сходстве непредметной действительности и элементов предметного ряда. Таким образом, в значении фраземы ***идти на все четыре стороны*** актуализируются семы ‘неограниченность в действиях’, ‘независимость’, ‘свобода выбора’, ‘простор деятельности’. Знаковые символы мышления невербального характера подвергаются вербализации путём переноса уже существующих в языке номинантов на вновь сформированные когнитивные структуры – продукт концептуальной логики.

Таким образом, через вербализованные фраземами когнитивные структуры язык начинает принимать самое активное участие в познавательной деятельности человека. Сам процесс фразеологической номинации обусловливается той мыслительной информацией, которая является лингвокреативным продуктом когнитивной деятельности. Деятельностный подход к исследованию фразем позволил раскрыть их этнокультурную природу, выявить когнитивно-дискурсивную базу фразеологической семантики и её двойственную лингво-когнитивную сущность.

Вторая глава **«Проблемы когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения»** в посвящена выявлению соотношения и взаимодействия семантики фраземы и лежащих в ее основе знаний. В результате такого моделирования становится возможным реконструкция самих когнитивных структур, их внутренней организации и внешних связей со смысловым содержанием соответствующего дискурса, рассмотрение вопроса моделирования фразеологического значения и концепта.

Когнитивно-семантическое моделирование фразеологического содержания предполагает в качестве исходного этапа выявление соотношения и взаимодействия семантики языковых единиц и лежащих в ее основе знаний. Такое моделирование направлено на реконструкцию самих когнитивных структур в их внутренних и внешних связях со смысловым содержанием соответствующего дискурсивного поля. Поэтому моделирование фразеологического значения осуществляется в сопряжении с моделированием структуры соответствующего концепта. Их совокупность образует дискурсивные поля, входящие в состав дискурсивных пространств, которые соотносятся с этническими картинами мира. Фразеологическое моделирование картины мира – это моделирование собственно ценностно-смыслового

субстрата образа мира, создаваемого фразеологическими средствами. Когниция – действенная креативная сила, моделирующая при помощи символов новые представления о мироустройстве[2].

Реконструкция образа, ведущей когнитивной структуры в семантике фраземы, направлена на выявление типичного представления, лежащего в ее основе. Носителями такого типичного представления являются входящие в их компонентный состав символы – этнокультурные эталоны мировосприятия. В них заложен выработанный веками опыт коллективного представления о познаваемом объекте, сфокусированный в языковом сознании русского народа. Поэтому систему фразеологических значений как интерпретированного в ценностно-смысловой парадигме субъективного компонента русской ментальности можно соотнести с лингвокультурной компетенцией человека, в основе которой лежат (а) стереотипность, символичность и (б) образность фраземы. Это, в свою очередь, обусловливает лингвокультурную специфику на разных этапах формирования фразеологической семантики, важнейшими механизмами которой являются процессы взаимодействия и отражения.

Когнитивно-дискурсивная сущность фраземы определяется внутренним взаимодействием компонентов их свободносинтаксического прототипа, которые по своему семантическому содержанию представляют собой результат соотнесения с первично-денотативными объектами внешнего мира – типичными для данного этноязыкового коллектива обобщениями предметно-чувственного опыта. Так, рассматривая фразеологическую модель как типовую схему взаимодействия знаковой структуры фраземы со структурой её прототипа[3], становится возможным выявить дискурсивное поле фраземы, выявить её порождающую модель. Ср: *один* в значении прилагательного ‘без других, в отдельности’ и архаизм *перст* ‘палец руки’. Древнеславянское слово *палец*, которое первоначально использовалось в выражении ***один как перст*** – ‘о том, кто не имеет семьи, близких; о совершенно одиноком человеке’, имело значение «большой палец, находящийся в стороне от остальных четырех пальцев» (ср. польск. *sam jak palec*). Символика одиночества основывается здесь, как видим, на факте обособленности большого пальца. Являясь одной из базовых смыслообразующих категорий большинства фразем как феноменов этнокультурного характера, символ, имеет отражательно-смысловой характер и отличается активной ролью в познании действительности. Переосмысление и модификация уже существующих знаковых отношений между различными видами эмпирических сущностей (А.В. Кравченко) – это база символической вербализации фразеологического концепта.

В разных дискурсивных ситуациях реализация фразеологического значения может актуализировать речевые смыслы как продукты контекстуальной семантики и внеречевые смыслы как продукты когнитивной

[2] См.: Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Монография. – Волгоград: Перемена, 2006. С. 51.

[3] Мелерович А.М. Роль структурно-семантических моделей фразеологических единиц в категоризации и концептуализации действительности // XI Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Мир русского слова и русское слово в мире». Варна, 2007. С. 212.

семантики. Ср.: [Юрий]: – *А он, видишь ли, сильно удивился: откуда, говорит, у тебя родственница? Ты же, говорит,* ***один как перст****... Далась ему эта родственница! Даже странно... – А чего тут странного, – сказал Петрович, облизывая с ножа паштет. – Я тебе все время про это толкую, с самого первого дня. Ты* ***один как перст****, и я такой же – ни родни, никого... – Ну и что? – А то, Юрик, что* **таких перстов** *у нас в бригаде было двадцать пять душ. Уж это ты мне поверь. Я как-то раз у Петлюры в вагончике исхитрился личные дела пролистать. Ни одного женатика, все* ***без роду без племени****. Вот так-то, Юрик. А ты говоришь – странно* (А. Воронин. Высокое напряжение). Контекстуальные синонимы – ***один как перст***, ***без роду без племени*** – выступают в качестве речевой метафоры как индивидуально-авторское средство репрезентации окказионального речевого смысла, «как своеобразное порождение смыслового напряжения между <…> суппозициями (актуальным содержанием высказывания) и пресуппозициями (скрытым общим опытом, фондом общих знаний общающихся, их фоновыми знаниями)»[4]

Взаимодействие (а) как всеобщая связь фраземы с элементами других уровней языковой системы и (б) как способ образования и функционирования знаков косвенно-производной номинации позволяет в аспекте когнитивного принципа рассматривать знание и значение в их генетической соотнесенности и корреляции. К примеру, формирование значения фраземы ***ни к селу ни к городу*** представляет собой сложный процесс взаимодействия результатов категоризации окружающего мира с мыслительными и языковыми средствами, неязыковых и языковых знаний. Этот процесс, разумеется, не сводится к простому суммированию значений составляющих компонентов – *село* ‘большое крестьянское селение’ и *город* ‘крупный населенный пункт, административный торговый, промышленный и культурный центр’. Предполагается их интеграция в единое сложное целое, базируясь на познавательно-репрезентативной функции языка – свойстве опосредованно выражать, закреплять и хранить результаты социально-исторического опыта и познавательной деятельности его носителей. Так, в XIX в. всё население России было приписано к определенному приходу – в селе или в городе. О бродягах и нищих в полицейских документах была особая графа: «Ни к селу, ни к городу не приписаны». Не последнюю роль здесь играет синтаксическая модель репрезентации данного концепта. Повторяющаяся частица-союз *ни ... ни* в структуре отрицательного предложения, совмещая в себе значение и функции частицы (усиление отрицания) и значение и функции союза (соединение однородных членов предложения), явилась в данном выражении смыслоразличителем и выразителем отношений, обозначенных компонентами – знаменательными частями речи. Актуализация негативной деонтической оценки приводит в соответствие новое содержание и способ его фразеологической объективации ***ни к селу ни к городу*** – ‘совершенно не к месту, некстати, невпопад’ (отрицание, отвергающее что-нибудь).

Фразеологическая семантика как отражательная категория воспроизводит соответствующие реалии не непосредственно, не прямо, а косвенно, используя ту

[4] Алефиренко Н.Ф. Там же. С. 174.

содержательную информацию, которая содержится в лексической и грамматической семантике взаимодействующих компонентов. Чтобы показать такого рода взаимодействие, обратимся к исторической фразеологии, в частности к фраземам с архаичным числительным в своей структуре. Так, деривационной базой фразеологического сращения ***тьма тем*** является свободное словосочетание древнерусского языка со значением ‘сто тысяч’. Со временем количественное числительное трансформировалось во фразему ***тьма тем*** – ‘очень много, бесчисленное множество кого-л., чего-л.’, сохраняя в своей семантике категориальное значение количественного числительного. Ср.: *«Сторонка Русь крещенная, народу в ней* ***тьма тем****»* (Некрасов) или *«****Тьма тем*** *людей думают, что они любят, но только двум из них посылает бог любовь»* (Куприн) В современном русском языке как производная фразема ***тьма тьмущая***, которая связана с эпидигматикой числительного *тьма* ‘десять тысяч’ отличается высокой продуктивностью по степени своего употребления и принадлежности разным стилям, реализуя значение ‘о большом количестве чего-л.’. Данная фразема формировала свое значение путем косвенного включения лексической семантики древнерусского числительного *тьма* ‘десять тысяч’ и грамматической семантики тавтологической модели *тьма тем,* косвенно указывающую на несчетно большое количество чего-либо. В грамматике современного русского языка подобные тавтологические модели представлены свободными бессоюзными соединениями, употребляющимися как в относительно независимой позиции, так и в позиции зависимой – в качестве частей сложного предложения, типа *негодяй из негодяев, из чудаков чудак, дружба дружбой* и т.п. со значением высокой степени признака.

Таким образом, можно выделить следующие когнитивно-дискурсивные аспекты фразеологического значения: (1) имплицитные смыслы; (2) продукты преобразования процессов первичного отражения (формирования первичного денотата) во вторичное представление (через внутреннюю форму фраземы) результатов осмысления и интерпретации отраженного когнитивного содержания, т.е. фасет как минимальных когнитивных структур дискурсивного поля (см. рис. 5):

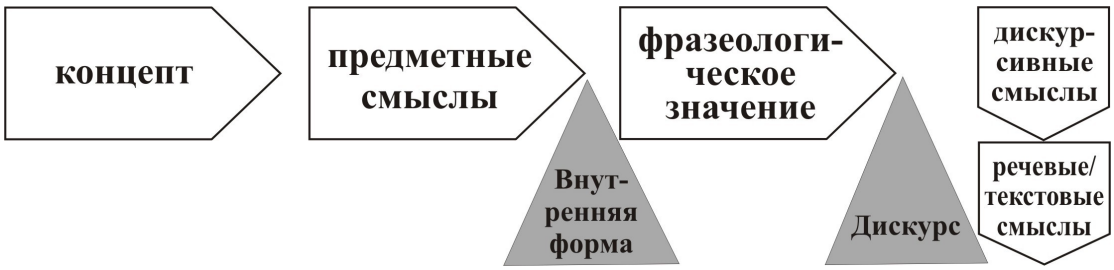


Рис. 5. Схема исследования когнитивно-дискурсивного механизма фразеологического значения

Итак, взаимодействие фраземообразующих компонентов – это не что иное, как специфическое выражение связи фраземообразующих

компонентов с обозначаемыми фрагментами дискурсивного поля, соотносимыми с компонентным составом фраземы.

Регулярный характер речемыслительных процессов обусловливает, по нашему мнению, закономерность лингвосемиотической корреляции фраземообразующего взаимодействия и отражения во фразеологической семантике. Возникновение и развитие любого раздельнооформленного знака косвенно-производной номинации, элементы деривационной базы которого находятся в определенном двуедином взаимодействии (а) между собой и (б) с объектами своей первичной номинации, представляют собой не что иное, как интериоризацию.

Интериоризация во фраземообразовании – это процесс преобразования внешнего (дискурсивного) во внутреннее (семантическое), которое с закономерной необходимостью в преобразованном виде содержит в себе соответствующий фрагмент дискурсивного пространства. Так, в образовании фраземы ***хоть святых выноси*** – ‘нет сил терпеть что-л.; нестерпимо, невыносимо для окружающих’ – участвует фасета «религия», содержащая культовые знания. Дело в том, что к святым, под которыми в древнерусском обиходе подразумевались иконы, относились с глубоким почтением. Древнее культовое убеждение оберегало иконы от созерцания всего непристойного, греховного или от присутствия при неприличных событиях. *Выносить святых* или хотя бы задергивать занавеской, как это было принято у старообрядцев, – такие меры принимались верующими, чтобы *святые* не видели творимых людьми безобразий: пьянства, драк, домашних дрязг. Фразема ***дело в шляпе*** – *прост., часто шутл.* ‘кончено, решено, улажено, все в порядке, все удачно закончилось’ – связана с фасетой «обычай», когда в старину решали всякие спорные дела жеребьёвкой: в шляпу бросали монеты, кусочки свинца или другие мелкие предметы, из которых один был с меткой. Каждый из участников жеребьёвки брал по одному предмету из *шляпы*, надеясь на то, что *дело* будет решено в его пользу. Кому посчастливится, у того «дело в шляпе», т.е. никто уже не может у него отнять полученного волею судьбы. Современная интерпретация дискурсивного пространства этой фраземы наглядно представлена в финале кинофильма «Гараж» (авторы сценария Э. Брагинский и Э. Рязанов). Таким образом, кодирование в семантике фраземы отражательного содержания дискурсивного пространства осуществляется взаимодействием знаков свободносинтаксического прототипа, регулярно, хотя и косвенно, вовлекающегося в речемыслительную деятельность человека.

Если следовать концепции Н.Д. Арутюновой, базой для образования фразеологических концептов служат такие явления реальной действительности, которые становятся объектами оценочно-образного отражения действительности в языковом сознании говорящих. Фразеологический концепт, хотя и признается ментальной единицей, всегда связан с культурой. В этом отношении напрашивается вопрос: все ли базовые концепты, выделенные в фундаментальном труде Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской

культуры», объективируются фразеологическими единицами? В поисках ответа на этот вопрос были проанализированы 5 тысяч фразем (730 синонимических рядов) из «Толкового словаря фразеологических синонимов» под ред. В.П. Жукова и 4-х тысяч фразем из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова. Нами было выявлено 38 концептов, объективированных фраземами (в словаре Ю.С. Степанова «Константы» представлено 66 базовых концептов), которые условно распределены нами по частотности их вербализации русскими фраземами по 4-м группам.

I группу составили концепты с частотностью объективации от 10% до 4 % (всего 9 концептов). Это концепты «Правда» и «Истина»: ***краеугольный камень*** , ***как будто пелена (чешуя) упала с глаз*** , ***выводить / вывести на чистую воду***, ***раскрывать/раскрыть (открывать/открыть) <свои> карты***, ***не в бровь, а <прямо> в глаз (в глаза), на мякине не проведешь***, ***бабушка <еще> на двое сказала***, ***вилами на воде писано***, ***темна вода во облацех*** и др. – более 150 фразеологических единиц. В структуре концептов «Правда» и «Истина» выявляется субконцепт «Обман» (В Словаре Ю.С. Степанова такой концепт не выделен), ср.: ***потемкинская деревня, бабушкины < бабьи > сказки***, ***бред сивой кобылы*** и др. Концепты «Совесть», «Нравственный закон», «Мораль»: ***черное (темное) пятно, провалиться мне на этом месте <сквозь землю, в тартарары>, волк в овечьей шкуре, смотреть сквозь пальцы*** и др. Концепты «Свои» – «Чужие»: ***сиамские близнецы***, ***дочки-матери***, ***из одного теста***, ***сбоку припека (припёку)***, ***седьмая (десятая) вода на киселе*** и др.

Концепт «Знание»: ***ни аза в глаза <не знать (видеть, смыслить)>, темный лес, зондировать/прозондировать почву*** и др. Необходимо отметить, что в объективации концепта фраземами прослеживается его эволюция. Например, в базовом концепте «Знание» выявляется субконцепт «Умственные способности человека», который состоит из таких смысловых слоев, как «Ум», «Разум», «Глупость». Процесс объективации фраземами концепта «Умственные способности» дает возможность говорить о нем как базовом в русской фраземике. Например, фраземы ***олух царя небесного, звезд с неба не хватает, ни в зуб <ногой> <толкнуть>***, ***дубина стоеросовая*** и др. вербализуют субконцепт «Глупость», а такие фраземы, как ***уходить/уйти с головой***, ***шевелить/пошевелить мозгами*** и др. являются результатом процесса вербализации субконцепта «Ум».

Концепты **I группы** составили интенсионал фразеологического фрагмента концептосферы русского языка.

II группа объединяет концепты, объективированные от 3,9 % до 2 % фраземами современного русского языка (всего 13 концептов).

Концепт «Деньги», «Бизнес»: ***барашек в бумажке, набивать/набить карман (мошну), баш на баш, презренный металл***, ***как одна копейка (копеечка)***, ***вылетать/вылететь в трубу*** и др. Концепт «Страх», «Тоска»: ***ад кромешный***; ***душа в пятки ушла***; ***не находить <себе> места***; ***поджимать/поджать хвост*** и др. Концепт «Душа»: ***витать (парить) в***

облаках; ***чистая душа***; ***душа нараспашку***; ***святым духом питаться***; ***входить/войти в*** ч ь ю ***душу***; ***загадочная русская душа*** и др.

К о н ц е п т ы **II группы** представляют околоядерную зону фразеологического фрагмента концептосферы русского языка.

III-я группа объединяет концепты с частотностью объективации от 1,9 % до 0,7 % (всего 11 концептов). Это к о н ц е п т «Чёрт, Бес», ср.**:** ***чем чёрт не шутит***; ***ни к чёрту*** и др. Необходимо отметить, что концепт «Черт (Бес)», участвуя в формировании семантической структуры фраземы, как центр дискурсивного пространства является образным стержнем фразеологического значения, но не единственным компонентом фраземообразования. В формировании фразеологического значения участвуют и другие компоненты дискурсивного пространства. Это особенность фраземики в отличие от лексики, где лексическое значение объективирует собственно концепты. Ср.: *черт* – ‘в старинных суеверных представлениях: злой дух, сверхъестественное существо, олицетворяющее злое начало (в образе человека с рогами, копытами и хвостом)’; *бес* – ‘старых народных поверьях: злой дух’. Следовательно, фраземами объективируются не столько концепты, сколько то дискурсивно-смысловое пространство, генерирующим центром которого выступает тот или иной концепт.

В эту группу входит к о н ц е п т «Радость»: ***надрывать/надорвать кишки (живот, животы, животики) от смеха (со смеху)***; ***на седьмом небе*** и др. К о н ц е п т «Дом, Уют»: ***дворянское гнездо, бросить (кинуть) якорь***. К о н ц е п т «Язык»: ***птичий язык***; ***эзоповский (эзопов, рабий) язык***.

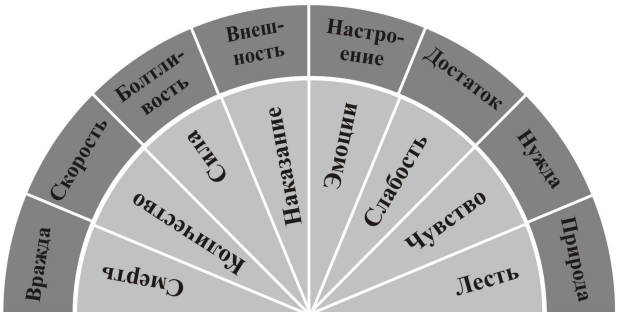
К о н ц е п т ы **III группы** представляют импликационал фразеологического фрагмента концептосферы русского языка.

IV группа представлена такими концептами, как «Русь, Россия, русские, россияне», «Интернационализм» и «Космополитизм», «Родная земля», «Интеллигенция», «Гений» и «Ангел», объективация которых фразеологическими единицами ниже 0,7 %, например: ***тихий ангел пролетел, плоть и кровь, плоть от плоти, кость от кости, кровь от крови***.

Многие концепты-константы оказываются практически невербализуемыми в русской фраземике или редко вербализуемыми. Также в процессе вербализации возможно соотнести одну фразему с несколькими концептами. Например, фразема ***куры не клюют*** – «Количество» и «Деньги», фразема ***с три короба*** – «Количество» и «Болтливость». Это свидетельствует об подвижности концепта и принадлежности к сфере индивидуального мышления.

В список базовых концептов русской фраземики, на наш взгляд, представляется возможным включить концепты, не представленные в Словаре Ю.С. Степанова, но репрезентированные довольно большим количеством фразем. В процессе осмысления можно подобрать или сконструировать необходимую номинацию концепта, репрезентированного русской фраземикой.

Иерархически упорядоченный фразеологический фрагмент концептосферы русского языка можно изобразить в виде «поля», где возможно выделить ядро и периферию:



Данные нашего исследования позволяют дополнить интенсиональную и околоядерную зоны фразеологического фрагмента концептосферы русского языка.

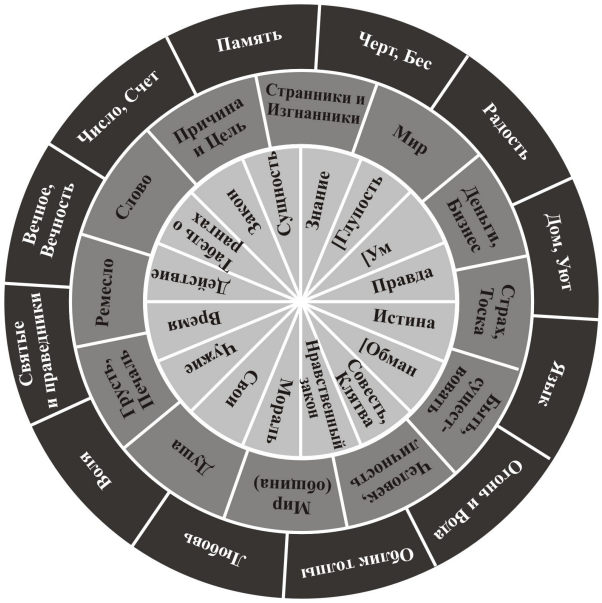


Рис. 6. Классификация базовых концептов фразеологического фрагмента концептосферы русского языка

Сложная и противоречивая природа фразеологического концепта обусловливается его способностью отражать глубинные результаты всего человеческого опыта, существованием инвариантного и вариативных смыслов. Кроме этого, концепт, требующий фразеологической объективации, включает в себя лишь часть актуализированных смыслов, которые соотносятся с той или иной фасетой дискурсивного поля. Другими словами, при вербализации концепта фраземой объективируются не все его смысловые компоненты, а лишь актуальные в определённой коммуникативно-прагматической ситуации.

В третьей главе **«Фразеологическая семантика и дискурс»** рассматриваются дискурсивно-событийные механизмы формирования фразеологического значения, в котором проецируются все слои концепта, служащие когнитивной основой семантической структуры фразем. Поскольку ядро содержательной структуры концепта образуют когнитивно-культурные смыслы, скрытые, но важные для национально-языкового менталитета.

Формирование фразеологического значения осуществляется на базе зафиксированного в языковом сознании концепта, отражающего соответствующее ***дискурсивное событие.*** Поэтому фразеологический концепт является единицей этноязыкового сознания, проецирующей его этнокультурную специфику на внутреннюю форму, коннотацию, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал. Внутренняя форма фраземы определяется соотношением фразеологического значения и доязыкового предметного смысла фразем, что онтологически

связано с особенностями вербализации фразеологического концепта. Кроме этого, возникновение и развитие внутренней формы во многом зависит от способа вербализации концепта, когда смыслы, содержащиеся в свободносинтаксическом прототипе фраземы, попадая в новое дискурсивное поле, подвергаются воздействию когнитивной метафоризации или метонимизации. Модифицированная таким образом внутренняя форма порождает смысловую конфигурацию фразеологического значения. Так, благодаря реформам Петра I в русский язык была заимствована немецкая калька ***etwas auf die lange Bank Schieben*** (букв. “положить что-либо в долгий сундук”). Её появление в немецком языке связано с общественным осуждением чиновничье-бюрократической медлительности в средневековом немецком судопроизводстве. Данная внутренняя форма вскоре была соотнесена с аналогичными явлениями в русском обществе, в результате чего фразема ***отложить в долгий ящик*** – ‘откладывать решение какого-либо дела на неопределенный срок’ – стала использоваться для обозначения волокитства при рассмотрении челобитных. Такое метонимическое переосмысление по «бюрократической смежности» осуждаемого явления в разных лингвокультурах сделало эту фразему яркой национальной идиомой, поскольку в результате такой метонимии произошло со временем забвение немецкой внутренней формы и актуализация русской. Целостный образ, совмещающий чувственное и рациональное познание, а также объединяющий динамику и статику познаваемого объекта, формирует гештальт как культурный субконцепт данной фраземы.

Наиболее представительными дискурсивными пространствами идиом, заимствованных из романо-германских языков можно назвать следующие:

◈ пространство историко-политического дискурса (***нести галиматью; потерпеть фиаско; холодная война***; ***звездные войны***; ***жить на вулкане***; ***старая гвардия***; ***колокольный дворянин***; ***закон Линча***; ***железный занавес***; ***голубая кровь***; ***железная леди***; ***золотая лихорадка***; ***золотая молодежь***; ***коричневая чума*** и др.);

◈ пространство военного дискурса (***с шиком; удариться в бегство; в лоб; манжеты трясутся; разбить/разбивать наголову; брать/взять штурмом; ставить/поставить кордоны; тихой сапой; на цугундер (притянуть)*** и др.);

◈ дискурсивное пространство «морских» профессий (***брать/взять на абордаж; стоять на вахте, встать на вахту; каким ветром занесло?; бежать, как крысы с тонущего корабля; брать/взять курс; объявлять/объявить аврал; плыть (идти, следовать) в кильватере; семь футов под килем*** и др.);

◈ дискурсивное пространство искусства (***мистер икс; фигаро здесь, фигаро там; Агент 007; Акела промахнулся; тихий американец; базар житейской суеты; править бал; вернемся к нашим баранам; башня из слоновой кости; белокурая бестия; блеск и нищета <куртизанок>; синяя борода; брак по-итальянски; братцы-кролики; бремя белого человека;***

железный век; унесенные ветром; владычица морей; вождь краснокожих; игра в бисер; быть под колпаком; человеческая комедия и др.);

◈ дискурсивное пространство СМИ (***Америка для американцев; мозговая атака (мозговой штурм); новая волна; верхние десять [тысяч]; клей и ножницы; клочок бумаги; кто есть кто; в одной лодке; в крупном (большом) масштабе; мозговой трест; утечка мозгов; мыльная опера; газетная утка; вторая древнейшая профессия*** и др.);

◈ дискурсивное пространство быта (***вот где собака зарыта, быть не в своей тарелке***; ***под шефе (шофе, шафе); грош цена <в базарный день>; цирлих-манирлих; пить на брудершафт; заморить червячка; действовать/ подействовать как на быка красная тряпка*** и др.);

◈ дискурсивное пространство интержаргона (***смешивать/смешать карты; капут пришел; вести/повести двойную игру; игра стоит свеч, игра не стоит свеч (свечей); зуб иметь; стоять на атасе; дать/быть по блату; идти/пойти ва-банк; брать/взять на понт; давать сто очков вперед; давать/ дать фору; с оника*** и др.).

Когнитивно-дискурсивные механизмы формирования ценностно-смыслового содержания русской фраземики предполагают обращение к дискурсивной деятельности человека, которая осуществляется посредством сложнейшего механизма взаимодействия апеллятивов и онимов. Наиболее продуктивными фраземообразующими лексемами являются профессиональные апеллятивы (7,8%). Это объясняется фраземообразовательной активностью терминологических сочетаний, обусловленных во многом общеизвестностью в прошлом тех процессов, которые ими обозначились, и потенциальной возможностью к совмещению их номинативной и экспрессивно-эмоциональной функции. Именно такими свойствами обладали апеллятивы, связанные со столярным делом: ***без сучка без задоринки, разделать под орех, топорная работа, снять стружку*** и др.; сапожным ремеслом: ***два сапога пара, на одну колодку сделаны, пьян в стельку*** и др.; скорняжным делом**:** ***небо с овчинку показалось, овчинка выделки не стоит*** и др.; рыболовством и охотой: ***ловить рыбку в мутной воде, мутить воду, попасться на удочку, закидывать удочку, заметать следы, держать нос по ветру*** и т.д.

Фраземообразовательная активность присуща и некоторым знакам топонимической семиотики, личным именам, прежде всего библейским, мифологическим, историческим и литературным, а также кличкам и прозвищам. Например: ***в Греции все есть, дама из Амстердама, Алеха сельский, Арина бесполденная, Каинова печать, Соломоново решение, быть под Бахусом, двуликий Янус, бочка Диогена, потемкинские деревни, демьянова уха, от Ромула до наших дней, барон фон Мыльников*** и др. (460 фразем (8,6%).

Фраземы, дискурсивно-когнитивной основой которых явилась фасета «имя бога», репрезентируют как борьбу и победу космоса над хаосом, так и единство картины мира и личного переживания. Например: ***узы (цепи) Гименея*** – *книжн.* ‘брачные узы, брак, супружество’. *Гименей* – в древнегреческой мифологии бог брака, освященного религией и законом, в

отличие от Эроса, бога свободной любви. Гименей обычно изображался с ярмом, путами на ногах, символизирующими прочность брачного союза. Фразема ***храм Фемиды*** – *книжн.-поэт. высок.* ‘суд’ – восходит к имени *Фемиды* – богини правосудия в греческой мифологии. Фразема ***объятия Морфея*** – *поэт.* и *ирон.* ‘сон’, ***быть в объятиях Морфея*** – *поэт*. и *ирон.* ‘спать’ В греческой мифологии *Морфей* – сын бога сна Гипноса, крылатый бог сновидений. Такие фасеты обладают фраземообразующим потенциалом, поскольку герои мифов (боги и полубоги) вошли в языковое сознание как «культурные герои», создающие жизненно важные объекты: солнце, луну, звезды, землю с узнаваемым ландшафтом. Например, фразема ***век Астреи*** – *устар. книжн.* ‘1. О счастливой, радостной поре. 2. О времени расцвета искусства, науки, подъема в истории какого-л. народа’ – связана с греческой мифологией, где *Астрея* – богиня справедливости. В языковом сознании этот оним сохраняет эпидигматическую связь с архетипами того времени, когда богиня пребывала на Земле, – счастливым, золотым веком. Архетипы явились одной из причин активного функционирования фразем-универсалий, генетически связанных с дискурсивным пространством античной мифологии.

Миф связан с дискурсивным пространством фраземы. У Гомера, например, слова *mnuos* – ‘миф’ и *ergon* – ‘речь, рассказ, разговор, приказание и содержание, предмет речи (ср. вещь)’ – противопоставляются делу; у Платона миф определяется как logos – ‘баснословный, вымышленный или дошедший по преданию рассказ’. А в рамках конкретного дискурсивного поля возникают и функционируют фраземы. Так, фразема ***архимедов рычаг*** – ‘двигательная сила вообще; самое могучее средство для выполнения той или иной задачи’ – бытует в дискурсивном поле, связанном с открытием закона рычага древнегреческим математиком и механиком Архимедом Сиракузским (ок. 287 – 212 гг. до н. э.). Закрепление этой фраземы в языковом сознании подкрепляется приписываемым Архимеду крылатым выражением: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю (или: и я переверну мир)».

Опираясь на многомерность и многовалентность реалий, человеческое сознание достраивает их связи и отношения в «возможных мирах». В процессе их семиотизации лежат фасеты, определяющие вектор дискурсивного поля, в границах которого вербализуется фразеологический концепт.

Дискурсивно-культурологическое порождение фразеологического значения обусловливается культурно-историческим сознанием народа. Во фразеологической семантике отображаются закреплённые в дискурсивном пространстве обычаи, обряды, поверья, быт, воззрения на религию, социальная организация общества, окружающий мир и представления о нем и т.п. Во фразео-дискурсивном пространстве «обычаи» в результате анализа основных дискурсивных полей можно выделить следующие фразеосемантические группы:

◆ фраземы, вошедшие в жизнь благодаря регулярной повторяемости обычая. Например, в дискурсивном поле «обычай клясться землей как самым священным» отразился в образном выражении ***чтоб сквозь землю провалиться*** к о м у, модифицированном впоследствии в разговорную

экспрессивную фразему ***готов сквозь землю провалиться*** – ‘выражение, означающее острое желание исчезнуть, скрыться куда-либо от стыда, страха и т.п.’. В древности во время клятвы ели землю, изображая породнение с ней, как бы жертвуя собой при этом. И этот обычай закрепился во фраземике. Ср.: ***есть землю*** – ‘клятвоприношение’ (употребляется также в современном воровском жаргоне). Однако связь той или иной фраземы с обычаем не всегда прозрачна. При выявлении дискурсивного поля учитываются сведения, добытые лингвистикой, этнографией и археологией;

◆ фраземы, образовавшиеся путём вербализации символики, представляющей тот или иной обычай. Так, обычай снимать головной убор при встрече в знак уважения повлек за собой рождение фраземы ***снимать шляпу*** п е р е д к е м, который деривационными корнями восходит к символике головного убора. Шапка на Руси, как и у многих других народов, была не только предметом одежды, но и символом независимости и добропорядочности. В обыденном сознании фразема ***снять шапку*** находится в смысловой аналогией с сочетанием *дать по шее* в значении «наказать, избить». Поэтому смысл его несколько изменился и явился, согласно «Историко-этимологическому словарю» (М., 2005) по русской фразеологии, прототипом просторечной фраземы ***дать по шапке*** к о м у – ‘наказывать кого-либо за проступок; выгонять, прогонять кого-либо откуда-либо; увольнять, снимать с должности кого-либо’. К той же символике головного убора восходит и фразема ***ломать шапку*** п е р е д к е м – ‘заискивать, угодничать перед кем-либо’. Первоначально ***ломать шапку*** перед кем-либо значило «приветствовать с поклоном и снятием головного убора». Обычно так приветствовал в знак уважения младший старшего или низший по чину или социальному положению – высшего;

◆ фраземы, отражающие обычаи, связанные с суевериями и явлениями табу, которые не сохраняют смысловой мотивированности. Поэтому такие фраземы употребляются по традиции. Так, фраземы ***ни волоска не пропало, до единого волоска*** – ‘полная, абсолютная сохранность чего-либо’; ***ни один волос не упадет (не упал) с головы*** – ‘кто-либо будет в полной безопасности, совсем не пострадает’ – отражают суеверное представление, согласно которому, обстригая волосы, их, как и ногти, надо беречь в особом месте. Обычно их необходимо было класть в гроб, с верой в то, что на том свете нужно будет отчитаться о каждом волоске. Эти фраземы когнитивно-дискурсивным основанием содержат фасету «суеверный обычай».

Фраземы данного дискурсивного поля возникли, прежде всего, путем метонимического переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг явлений, например: разговорная экспрессивная фразема ***засучив рукава*** – ‘усердно, старательно, энергично (делать что-либо)’; ироничная фразема ***единым миром мазаны*** – ‘похожи друг на друга по характеру, по поведению, по своим качествам и т.п.’ (перенос с действия на его результат). Многие из них имеют соотносительные омонимичные свободные словосочетания.

Фраземы, порождаемые в процессе дискурсивной деятельности, способны удерживать смысловые установки и вне существования породившего

их дискурса. В силу этого, фразеологическая семантика способна выступать основным средством представления ценностно-смысловых отношений как основы лингвокультуры.

В четвертой главе **«Смысловая реализация фразеологического значения в текстах различных жанров и стилей»** представлена специфика фразеологической семантики как явления вторичного семиозиса. Проявляется она, с одной стороны, в процессе семантического преобразования слов-компонентов, синтезирующих довербальные смыслы их лексических значений, что приводит к образованию качественно новой семантической категории – фразеологического значения. С другой стороны, попадая в высказывание и превращаясь в его часть, фразеологическое значение обогащается дискурсивными смыслами.

Когнитивной предпосылкой целостности фразеологического значения является способность фразем представлять в неком пространственно-временном континууме типовые денотативные ситуации и события, элементы которых находятся в активе языкового сознания. Соотнесённость фраземы с обозначаемой денотативной ситуацией образует объективный уровень ее смысловой структуры, которая интерпретируется нами как реализующаяся в речи семантическая структура. Так, фраземы русского языка, возникшие в речи музыкантов, артистов, немногочисленны, однако по степени вхождения в другие функционально-стилистические сферы такие фраземы являются активно употребляемыми. Ср.: ***как по нотам разыгрывать*** ‘делать, осуществлять что-либо без затруднений, чётко, как по заранее разработанному плану’; ***петь/пропеть с чужого голоса*** ‘не имея своего мнения высказывать, повторять и т.п. чужое; быть несамостоятельным в своих суждениях’; ***старая песня*** ‘о чем-либо надоевшем, много раз слышанном’. Речевая активность таких фразем объясняется, на наш взгляд, несколькими факторами:

1-й фактор – эмоциональный регистр той части концептосферы, в недрах которой возникают обозначаемые денотативные ситуации – связан с областью многообразных отношений, возникающих между людьми на эмоциональной основе: ***тронуть (задеть) чувствительную (больную, деликатную) струну*** ‘коснуться вопроса, особенно задевающего кого-либо’; ***задать тон*** ‘дать нужное направление ходу, течению чего-либо; показать пример в чем-либо, стать образцом для других’. Значение фраземы включает внеязыковые смыслы дискурсивного поля: *тон* (букв. от греч. τονος “натяжение, напряжение”): ‘в музыкальной акустике – наименьший элемент спектра сложного звука’.

2-й фактор – коммуникативно-прагматический потенциал речевых клише обусловлен коммуникативно-прагматической семантикой фразем, формирующейся в языковом сознании в результате комбинаторного взаимодействия когнитивных и речевых смыслов ее разноуровневых компонентов (лексических и грамматических). Ср.: ***петь с чужого голоса*** ‘не имея своего мнения, высказать, повторять и т.п. чужое; быть несамостоятельным в своих суждениях’ В значении этой фраземы реализуется представление о несамостоятельном действии, напоминающего заучивание мотива за кем-либо.

3-й фактор – яркие экспрессивно-образные ассоциации, порождаемые дискурсивным взаимодействием вторичных и первичных денотатов: фразеологизация речевых стереотипов происходит не столько в речевом, сколько в дискурсно-ассоциативном контексте, где, собственно, и кодируются социально значимые нормы, ценности и представления. Например, фразема ***отставной козы барабанщик*** – ‘человек, не заслуживающий никакого внимания, никому не нужный, такой, с которым не считаются’ – идет от широко распространенной в старину ярмочной забавы водить напоказ ручного медведя, которого сопровождали пляшущий мальчик, наряженный козой, и барабанщик, который бил в барабан, как бы аккомпанируя этой пляске. Это и был «козы барабанщик».

4-й фактор – прозрачность внутренней формы фразем: культурная составляющая внутренней формы фразем воспринимается, передается и обогащается в процессе её переосмысления и различных интерпретаций, зависящих от этнокультурного своеобразия языкового сознания. Ср. фразему ***на аккорд*** ‘(устар.) на условиях договора, соглашения (брать, захватывать, сдавать и т.п.)’ и современное значение слова *аккорд* ‘сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты, воспринимаемых как звуковое единство’. В словаре В. Даля: *«АКОРДЪ»* – (1) ‘фриц. согласіе, соглашеніе, условіе, сделка’; (2) ‘муз. Созвучіе, согласіе, полногласіе, стройность совместных звуковъ’; (3) ‘ладъ, строй, по различію *мягкихъ* и *твердыхъ* созвучій (моль и дуръ, или миноръ и мажоръ’; (4) ‘полный подбор струнъ для какого-либо музык. орудія’. Действительно, в Петровское время выражение *на аккорд* употреблялось как военный термин, обозначавший капитуляцию противника на условиях, которые он оговаривал для себя перед победителем, в отличие от выражения «на дискрецию» – на произвол победителя. В музыкальном смысле *аккорд* употребляется несколько позднее и восходит, в конечном счёте, к греч. χορδή > лат. chorda – ‘кишка’, откуда струна (сделанная из кишки). Так, в значении фраземы ***заключительный аккорд*** ч е г о, к ч е м у – ‘какое-либо событие, явление, действие и т.п., которым завершается что-либо’ – внутренней формой выступает признак «завершающее созвучие», содержащийся в омонимичном терминосочетании *заключительный аккорд* – ‘самостоятельное созвучие, построенное по определенному принципу, согласно сущности данной гармонической системы’. Наличие омонимии таких единиц обеспечивает прозрачность внутренней формы, служащей средством их структурно-семантической дифференциации.

5-й фактор – коннотативная насыщенность импликационала фразеологического значения предопределяется коммуникативно-прагматической аурой дискурсивного поля. В итоге соответствующие смысловые связи ассоциативно-образного характера приобретают в структуре языкового сознания статус экспрессивно-образной доминанты и переводятся из импликационала словосочетания-прототипа в интенсионал фразеологического значения. Это, собственно, и обеспечивает адгерентные ассоциативные связи между удаленными предметами мысли, которые опосредованно объединяются образовавшимся в процессе фразеологизации гештальтом. Таким способом

смысловую гармонию приобретает на первый взгляд семантически несовместимые лексемы: имя существительное *струна* с другими компонентами в структуре следующих фразем: ***слабая струнка (струна), натянутая струна, держать в струне, натянуть струну***. В данном случае фразеологизация связана с ингерентными ассоциациями периферийных сем, представленных изначально несовместимыми лексемами. Так, из всего набора сем в семантической структуре слова *струна* в ингерентную ассоциацию с коннотативными семами других компонентов вступает только периферийная сема ‘напряженность’. Ср.: ***по струне ходить, вытягиваться в струнку (струну), как натянутая струна*** и т.д. (значения)

С точки зрения экспрессивно-образных свойств подобные фраземы могут выражать достаточно широкую стилистическую гамму дискурсивного поля с многообразными коннотативными смыслами. Ср.: **высокие, торжественные** – ***петь славу*** к о м у - ч е м у – ‘прославлять, воспевать кого-, что-либо’; ***петь дифирамбы*** к о м у, ч е м у – ‘неумеренно, восторженно хвалить, восхвалять кого-либо или чего-либо’; **неодобрительные** – ***завести шарманку*** – *прост*. ‘надоедливо говорить, повторять одно и то же; многократно возобновлять один и тот же разговор’. Так, в последней фраземе экспрессивная образность возникает благодаря адгерентной ассоциации надоедливого повторения одного и того же с монотонностью звучания шарманки. Ср.: *шарманка* – ‘механический инструмент в виде небольшого органа без клавиатуры’. При вращении валика рукоятки шпильки, зацепляя специальный механизм, открывали доступ воздуха к звучащие трубам. Одновременное накачивание в меха воздуха образовывало монотонное звучание.

Новые семантико-стилистические элементы во фразеологическом значении только тогда служит инструментом актуализации опыта, ранее запечатленного в нашем сознании, когда фраземы становятся элементами дискурсивного (событийного) мышления и выходят за рамки языка специальности. С другой стороны, коммуникативно-прагматический потенциал таких фразем, так или иначе, определяется коммуникативными стратегиями именно языка специальности.

Употребление фразем в речи всегда прагматически ориентированы на определенную коммуникативно-прагматическую ситуацию. В процессе *восприятия* фраземы актуализируются речевые стереотипы, этноязыковое сознание коммуникантов, их фоновые знания. Все это определяет прагматический характер смысловой реализации фразеологического значения в дискурсах разных типов и степень воздействия на получателя информации. Так, в современном художественном дискурсе модификация фразеологической семантики предопределяется смысловой деструкцией: автор предлагает читателю найти в своей памяти заявленный концепт, который является частью их общего знания. Существенная зависимость фразеологического смысла от контекста, выбор автором необходимой позиции в высказывании, конкретное фразеологическое окружение – основные причины, обусловливающие понимание фраземы читателем. Например:

➢ *А тот ужас, тот страх безумный* ***вошел*** *с детства* ***в кровь и в плоть и в темные глубины души*** *тоже, и пусть разум его вытеснил из сознания где-то в наших глубинах, закоулках он еще живет* (Ю. Мамлеев. Вечный дом). Трансформация фраземы ***войти в кровь и вплоть*** – ‘оказаться прочно усвоенным’ – осуществляется за счет расширение компонентного состава (***и в темные глубины души***) на основе однотипной тематической отнесённости компонентов: *кровь – плоть – душа.*

➢ *В течение месяца раза два-три в неделю он так упорно падал, точно в заколдованном круге, будучи не в силах добиться своего, пока секрет его не открылся. Один мальчуган с соседнего двора так и прозвал его потом* ***“павший ангел”*** *– и эта кличка прилепилась к нему* (Ю. Мамлеев. Вечный дом). Осуществляется структурная трансформация фраземы, ср. ***падший ангел*** ‘человек, отвергнутый обществом’ **–** ***павший ангел***. Окказиональная замена компонента *падший* на *павший* в фраземе ***павший ангел*** приводит к экспликации внутренней формы фразеологического значения с помощью контекстального окружения «*В течение месяца раза два-три в неделю он так упорно падал…*». Речевые смыслы при таком понимании можно интерпретировать как коммуникативно-прагматические варианты фразеологического значения.

В процессе речевой реализации значения фраземы создается его своеобразный коммуникативно-денотативный фон, образующийся ассоциативными связями адгерентного и ингерентного характера с предыдущими фрагментами речемыслительного акта. С одной стороны, диапазон таких ассоциативных связей обусловливается коммуникативно-прагматической структурой художественного дискурса, а с другой, порождает фразеосемантическое варьирование.

Особенности смысловой реализации фразеологического значения в художественном дискурсе обусловливаются следующими факторами: (1) жанровой принадлежностью текста, (2) коммуникативно-прагматическими установками автора и читателя, предполагающими семантическое варьирование фразем, (3) инициацией смыслов, (4) пропозициональными и экстралингвистическими факторами. Следует заметить, что названные факторы «работают» комплексно, что чаще всего проявляется при использовании такого популярного приема, как **двойная актуализация (двойное кодирование),** или **буквализация** фразеологического значения. Например:

➢ *…Отматфеян и не говорит, отделывается междометиями “угу”, “ага”, а все понятно, потому что он не чужой, но свой, и мы не хотим открывать Америку, узнавать этих «новых» людей, как они устроены, где у них живет душа – в мозге, в сердце или у них* ***душа в пятки ушла****…* **(**В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема ***душа в пятки ушла*** – ‘кто-либо испытывает сильный страх’ – реализует обстоятельственное значение: буквализация смысла достигается с помощью обстоятельства места, выраженного наречием *где* и однородными обстоятельствами *в мозге, в сердце* <…> *в пятки* ушла душа.

➢ *Отматфеян бросил орудие к ногам и достал* ***белый флаг*** *из кармана, вытер им рот, свернул на кухню – запить битву* (В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема ***достать белый флаг*** – ‘сдаться, принять свое поражение’ – реализует одновременно буквальное и фразеологическое значение. Актуализация денотативного значения осуществляется сочетанием буквализации с метафоризацией (флаг – носовой платок). Буквализация достигается на фоне контекстуального окружения: *из кармана*, *вытер им рот*, а метафоризация – на фоне фасеты «поражение»: *бросил оружие; битва*.

➢ *Ее кожа была масляная от крема, и он* ***катался как сыр в масле*** (В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема ***кататься как сыр в масле*** – ‘жить в довольстве, имея все в изобилии’ – выступает в своем предметно-денотативном значении, буквализация смысла достигается с помощью препозиционного контекстуального окружения *Ее кожа была масляная от крема*. Поэтому фразеологическое значение несколько погашается за счёт наложения первичного и вторичного дискурсивных полей.

В художественном дискурсе способность контекстуального окружения служить актуализатором фразеологического значения обеспечивается набором одинаковых презумпций или пресуппозиций. Возникающая в результате этого модификация фразеологической семантики подчинена созданию выразительности и изобразительности художественного дискурса.

Смысловая вариативность узуальных фразем обнаруживается в художественном дискурсе, как правило, при использовании автором **приема языковой игры**. Например:

➢ *...***Ключевых дел мастер** *был* ***мастером на все руки:*** *...* **мастер** *приделал ему крепление к лыжам и конькам, починил молнию на сумке, смазал, наточил, заправил…* (В. Нарбикова. Видимость нас). Повтор лексемы *мастер* способствует не только гиперболизации смысла фраземы ***мастер на все руки*** – ‘человек, умеющий **все** делать, искусный **во всяком деле**’, но усилению её образности.

➢ *«Ты почему сейчас так на него смотрела?» – «на кого?» – «на того атлета» – «на какого?», – «в углу атлет, пропорциональный* ***до мозга костей*** *своим* **мозгам** *и* **костям***...»* (В. Нарбикова. Видимость нас). Языковая игра создается сочетанием фраземы ***до мозга костей*** – ‘полностью, целиком, во всем’ – с омонимичными словоформами **мозгам** и **костям**. Прагматический результат – насмешливый каламбур.

➢ *...И самый* **ясный** *ответ на этот* **неясный** *вопрос – «любишь?» – это «не – а – ага», он ясный,* ***как ясный день*** *«не-а-ага»* (В. Нарбикова. Видимость нас). Каламбурный эффект достигается за счет повтора слова **ясный / неясный**, ***как ясный день*** – ‘совершенно ясно, очевидно’.

➢ *Она, конечно, приняла мое возмущение* **охотно** *и даже* ***за милую душу*** (М. Палей. Каберия с обводного канала). В данном случае наблюдается употребление фраземы в несвойственном для неё смысловом ракурсе дискурсивного поля: за счет речевой синонимизации фраземы ***за милую душу*** – ‘охотно, с удовольствием’ и лексемы **охотно**.

Фразеологическое окружение может вызывать также структурно-семантическую трансформацию фраземы с целью усиления идейно-художественной и эстетической значимости смыслового варианта фраземы для достижения гармонии смыслового содержания данного дискурсивного поля. Например:

➢ *С умытых ушей его капала вода реки, а сама река медленно струилась мимо него <…> со всеми своими рыбами, плоскодонками, древними парусными суднами, <…> с пустыми консервными банками и тяжелыми шапками монахов, пятнами мазута, с почти неразличимыми лицами паромщиков,* ***с яблоками раздора*** *и* ***грушами печали****…*(С. Соколов. Школа для дураков). Буквализация фраземы ***яблоко раздора*** – **‘**причина, предмет спора, вражды’ – осуществляется за счет употребление фраземы в ряду однородных членов с предметным значением (*с рыбами, плоскодонками, древними парусными суднами с отраженными облаками, с яблоками раздора*) и плеоназмом ***груши печали***. В данном случае смысловая вариативность фраземы вызывается совмещением двух разных стилистических приемов: **потока сознания** и **буквализации**.

➢ *Мы работали там и тут, здесь и там – повсюду, где была возможность* **наложить***, то есть,* ***приложить руки*** (С. Соколов. Школа для дураков). На основе **контаминации** фразем ***накладывать руку*** – ‘1. Присваивать, захватывать что-л., завладевать чем-л. 2. Подчинять целиком своему влиянию, власти; расправляться с кем-л. или чем-либо’ и ***приложить руки*** – ‘принять участие в каком-л. деле; быть причастным к какому-л. делу’ осуществляется приращение окказионального смысла: ‘участвуя в каком-л. деле, присвоить что-л.’.

➢ *Какая чепуха, – отвечает Акатов, – вы совершенно нормальны, совершенно, я предполагаю, многие женщины согласились бы* ***пойти*** *с вами* ***по жизни рука об руку*** *– и никогда бы не пожалели* (С. Соколов. Школа для дураков). Образование окказиональной фраземы путём объединения двух синонимичных единиц в одну: ***пойти по жизни рука об руку*** – ‘обручившись, в тесном единстве, вместе, совместно, одной семьёй’ – наполняет её более ёмким дискурсивным смыслом.

Смысловые нюансы и стилистические возможности фразем с модифицированной семантикой сообщают тексту определенное эмоциональное звучание, интегрируя когнитивно-дискурсивный потенциал фраземы в авторскую семантико-стилистическую систему художественного дискурса.

В **заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования. Выдвинутая гипотеза подтвердилась: фразеологическое значение является продуктом когнитивно-дискурсивной деятельности, порождающей потребность в вербализации скрытых образно-эмотивных смыслов косвенно-производными номинациями (фраземами), в семантике которых интегрированно воплощаются результаты предметно-опытной деятельности, начиная от чувственно-образного познания до концептуализации и категоризации культурно значимых концептов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Монографические издания:

1. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография / Л.Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – 245 с. (17,4 п.л.).

2. Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с. (29,5 п.л.; 15 а.л.).

3. Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла: монография / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – 2-е изд., испр. и доп. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2004. – Гл. 4, 5, 6, Приложения. – 296 с. (12.4 а.л.).

II. Статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией:

4. Золотых, Л.Г. Соотношение категорий «взаимодействие» и «отражение» в процессе формирования фразеологической семантики / Л.Г. Золотых // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2006. – №1. – С.81–93 (0,8 п.л.).

5. Золотых, Л.Г. Смысловая реализация фразеологической единицы в художественном дискурсе / Л.Г. Золотых // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. – 2006. – №5/1(45). – С. 111–115 (0,6 п.л.).

6. Золотых, Л.Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики / Л.Г. Золотых // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия: Филологические науки. – 2006. – №3(16). – С. 15–20 (0,6 п.л.).

7. Золотых, Л.Г. Когнитивно-коммуникативные признаки поэтического идиостиля / Л.Г. Золотых // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5(56). – С. 84–89 (0,9 п.л.).

8. Золотых, Л.Г. Дискурсивные особенности фразеологических единиц с компонентом-топонимом / Л.Г. Золотых // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. Научно-технический журнал. – 2006. – №8(2). – С. 265–269 (0,4 п.л.).

9. Золотых, Л.Г. Формирование лингвокультурологической компетенции при изучении фразеологии / Л.Г. Золотых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. – 2007. – №1(5). – С. 29-35 (0,6 п.л.).

III. Статьи в научных журналах и сборниках научных трудов:

10. Золотых, Л.Г. Смысловая реализация фразеологического значения / Л.Г. Золотых // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 268–273 (0,4 п.л.).

11. Золотых, Л.Г. Семантико-стилистическое варьирование фразеологических единиц в художественной речи / Л.Г. Золотых // Речевая структура русского общества XVII–XXI вв. (проблемы риторики и стилистики): материалы междунар. научн. конф. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 122–126 (0,5 п.л.).

12. Золотых, Л.Г. Смысловая презентация фразеологизмов в пушкинском тексте / Л.Г. Золотых, Н.Ф. Алефиренко // Пушкин: Альманах / под ред. проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – Вып.3. – С.121–131 (0,3 а.л.).

13. Золотых, Л.Г. Национальная специфика концептов, вербализуемых фразеологическими единицами / Л.Г. Золотых // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2002. – С. 89–95 (0,4 п.л.).

14. Золотых, Л.Г. Диахронический аспект исследования фразеологической семантики / Л.Г. Золотых, Л.Г. Терехова // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: материалы науч. конф.; науч. ред. В.И. Супрун. – Вып. 5. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 197–201. (0,3 а.л.)

15. Золотых, Л.Г. Проблемы языковой личности В. Хлебникова в коммуникативно-когнитивном аспекте / Л.Г. Золотых // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века: VIII Междунар. хлебниковские чтения: научные доклады и сообщения / сост. Н.В. Максимова. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та., 2003. – Ч. II. – С. 35–37 (0,4 п.л.).

16. Золотых, Л.Г. Гиперболические фразеологические единицы и фразеологические литоты (на материале рок-поэтов) / Л.Г. Золотых // Сборник материалов Всероссийской конференции «Проблемы обучения русскому языку как родному и неродному в современных условиях модернизации образования» / под ред. М.Х. Шхапцевой. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2003. – С. 256–260 (0,3 п.л.).

17. Золотых, Л.Г. Языковое сознание и речевой смысл / Л.Г. Золотых // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение: труды Международной научной конференции / под ред. проф. А.П. Романовой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2004. – С. 219–221 (0,4 п.л.).

18. Золотых, Л.Г. Семантико-стилистическая динамика «музыкальных» фразеологических единиц / Л.Г. Золотых // Frazeologické štúdie IV: Milada Jankovičová, Jozef Mlacek, Jana Skladaná ed. – Bratislava: Vydavatel'stvo slovenskej akadémie vied, 2005. – S. 374–377 (0,3 п.л.).

19. Золотых, Л.Г. Этнокультурная ценность «Труд» в русском образном выражении / Л.Г. Золотых // Экологические и социально-экономические аспекты устойчивого развития региона Нижней Волги / сост. и ред. А.А. Жилкин, В.П. Зволинский и др. – М.: «Совр. тетради», 2005. – С. 508–513 (0,5 п.л.).

20. Золотых, Л.Г. Фразеологическая единица в формировании этнокультурного сознания / Л.Г. Золотых // Материалы региональной конференции «Актуальные проблемы русского языка», посвященной 70-летию ЧГПУ / под общ. ред. Л.П. Гашевой. – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 2005. – С. 357–360 (0,4 п.л.).

21. Золотых, Л.Г. Реконструкция образа в структуре фразеологического значения / Л.Г. Золотых // Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Каспийского региона: материалы III Междунар. науч. конф. – Т. 2. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2005. – С. 251–254 (0,4 п.л.).

22. Золотых, Л.Г. Моделирование значения и смысла фразеологической единицы / Л.Г. Золотых // Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи: материалы X юбилейной научной конференции «Пушкинские чтения» / сост. и отв. ред. Н.Е. Синичкина. – СПб.: САГА, 2005. – С. 61–67 (0,5 п.л.).

23. Золотых, Л.Г. Культурные концепты, объективированные фразеологизмами в системе языка и речи / Л.Г. Золотых // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С.86–90 (0,4 п.л.).

24. Золотых, Л.Г. Концепт и фразеологическая единица / Л.Г. Золотых // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Междунар. конф. / Волгогр. гос. пед. ун-т. / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 27–32 (0,4).

25. Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологической эквивалентности в аспекте национального менталитета / Л.Г. Золотых // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык – речь – специальность: материалы Междунар. науч.-пр. конф. «Мотинские чтения». – Ч. 2. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – С. 228–231 (0,3 п.л.).

26. Золотых, Л.Г. Некоторые направления исследования языка Велимира Хлебникова в аспекте когнитивной лингвистики / Л.Г. Золотых // Творчество В. Хлебникова и русская литература: мат-лы IX Междунар. хлебниковских чтений. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2005. – С. 75–80 (0,5 п.л.).

27. Золотых, Л.Г. Фразеологическая семантика и символ (в когнитивно-дискурсивном аспекте) / Л.Г. Золотых // Слово – сознание – культура: сб. науч. трудов. / сост. Л.Г. Золотых. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 157–169 (0,5 п.л.).

28. Золотых, Л.Г. Репрезентация концепта «Личность» в русской идиоматике / Л.Г. Золотых // Научно-производственное обеспечение развития комплексных мелиораций Прикаспия. / сост. и ред. А.И. Иванов и др. – М.: Изд-во «Современные тетради», 2006. – С. 606–613 (0,9 п.л.).

29. Золотых, Л.Г. Коммуникативный потенциал фразеологических единиц в художественном тексте (на материале поэтического текста «серебряного века») / Л.Г. Золотых // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2006. – С. 206–211 (0,5 п.л.).

30. Золотых, Л.Г. Формирование когнитивной базы фразеологической семантики / Л.Г. Золотых // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Кутенэ и современные проблемы теоретического и прикладного

языкознания: труды и материалы: в 2 т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – Т.2. – С. 176–178 (0,28 п.л.).

31. Золотых, Л.Г. Фразеологические единицы в организации газетного дискурса / Л.Г. Золотых // Журналистика и медиаобразование: сб. науч. трудов Междунар. научно-практ. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 337–342 (0,5 п.л.).

32. Золотых, Л.Г. «Возможные миры» русской фразеологии / Л.Г. Золотых // Картина мира: язык, литература, культура: сборник науч. статей / отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Вып. 2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 26–32 (0,5 п.л.).

33. Золотых, Л.Г. Дискурсивные пространства русской идиоматики / Л.Г. Золотых // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. – Ч. 2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 20–27 (0,5 п.л.).

34. Золотых, Л.Г. Реализация смысла фразеологических единиц в художественных текстах М. Булгакова / Л.Г. Золотых // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. статей. – Вып. I. – Тамбов, 2006. – С. 180–181 (0,4 п.л.).

35. Золотых, Л.Г. Символика фразеологических единиц с антропонимическим компонентом / Л.Г. Золотых // Традиционная славянская культура и современный мир: материалы II Кирилло-Мефодиевских чтений / сост. и науч. ред. Л.В. Спесивцева. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. – С. 112–118 (0,5 п.л.).

36. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные истоки фразеологических единиц (на материале народных обычаев и обрядов) / Л.Г. Золотых // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8), 2006. – С. 194–200 (0,5 п.л.).

37. Золотых, Л.Г. Картина мира – модель мира – образ мира: проблема соотношения категорий в аспекте идиоматики / Л.Г. Золотых // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных наук. – 2006. – № 3 (19). – Астрахань: ИД «Астраханский университет». – С. 46–52 (0,5 п.л.).

38. Золотых, Л.Г. Репрезентация концепта «Мир» в русской идиоматике как отражение христианской традиции / Л.Г. Золотых // Язык, литература, ментальность: разнообразие; науч. ред. Р.К. Боженкова. – Курск, 2006. – С. 115–121 (0,4 п.л.).

39. Золотых, Л.Г. Объективация социокультурного знания фразеологическими единицами (на материале Толкового словаря русского школьного и студенческого жаргона) / Л.Г. Золотых // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: сборник материалов Всероссийской научн. конф. – Белгород, 2006. – С. 33–38 (0,4 п.л.).

40. Золотых, Л.Г. Варьирование фразеологических единиц в повествовательных жанрах художественной речи / Л.Г. Золотых //

Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах: сб. науч. ст. к. 80-летию проф. А.М. Чепасовой / под ред. Г.А. Шигановой. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – С. 246–251 (0,5 п.л.).

41. Золотых, Л.Г. Базовые концепты русской идиоматики / Л.Г. Золотых // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 300–304 (0,49 п.л.).

42. Золотых, Л.Г. Дискурсивные пространства заимствований в русской идиоматике / Л.Г. Золотых // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: сб. науч. статей: вып. 1 / сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2006. – С. 180–184 (0,46 п.л.).

43. Золотых, Л.Г. Дискурсивно-когнитивный потенциал мифоконцепта в формировании фразеологической семантики / Л.Г. Золотых // Культурные концепты в языке и тексте: вып. 2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 41–49 (0,5 п.л.).

44. Золотых, Л.Г. Фразеологическая единица как косвенно-производное средство формирования концептосферы русского языка / Л.Г. Золотых // Славянские языки и культура: материалы Международной научной конференции – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 13–16 (0,5 п.л.).

45. Золотых, Л.Г. Коммуникативно-прагматическая реализация фразеологического значения / Л.Г. Золотых // Slavenska frazeologija i pragmatika / Urednice: Željka Fink i Anita Hrnjak. – Zagreb: KNJIGRA, 2007. – S. 463-468 (0,45 п.л.).

46. Золотых, Л.Г. Газетный дискурс как фраземообразующая категория / Л.Г. Золотых // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных наук. 2007. № 4 (24). Астрахань: ИД «Астраханский университет». С. 83-89 (0,6 п.л.).

47. Золотых, Л.Г. Заимствованные дискурсивные идиомы в концептосфере русского языка / Л.Г. Золотых // Мир русского слова и русское слово в мире / Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Том 2. Варна, 17-23 сентября, 2007 г – Sofia: Heron Press, 2007. С. 138-142 (0,54 п.л.).

48. Золотых, Л.Г. Фразеологические единицы как средство демократизации стихотворной речи в структуре русского этнокультурного пространства / Л.Г. Золотых // Русский язык в поликультурном пространстве: материалы Международной научной конференции. 10-11 октября 2007 г. / сост. Л.Ю. Касьянова, З.Р. Аглеева, Н.В. Лукина / под ред. Л.Ю. Касьяновой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – С. 74-79 (0,47 п.л.).

49. Золотых, Л.Г. Фразеологические единицы с архаическими элементами как выражение русской ментальности / Л.Г. Золотых // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты.

Вып. I. Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. С. 286-287 (0,45 п.л.).

50. Золотых, Л.Г. Смысловая презентация фразем в политическом дискурсе / Л.Г. Золотых // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 214-219 (0,5 п.л.).

51. Золотых, Л.Г. Модификация фразеологической семантики в художественном дискурсе / Л.Г. Золотых // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26-27 октября 2007 г.) / Под редакцией проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. С. 48-53 (0,5 п.л.).

52. Золотых, Л.Г. Фразеологическая семантика и концептуальная картина мир / Л.Г. Золотых // К 60-летию профессора А.В.Жукова: Юбилейный сборник научных трудов / отв. ред. В.И.Макаров. – Великий Новгород, 2007. С. 68-74 (0,5 п.л.).

53. Золотых, Л.Г. Этнокультурная специфика фразеологического фрагмента концептосферы русского языка / Л.Г. Золотых // Русский язык в политэтнической среде: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (29-30 ноября 2007 г.). – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. С. 70-71 (0,3 п.л.).

IV. Внедрение результатов исследования:

54. Золотых, Л.Г. Образное слово в формировании этноязыкового сознания / Л.Г. Золотых // Учебно-воспитательная деятельность в развивающейся школе / под ред. В.А. Пятина. – М.: Прометей, 2004. – С. 122–136 (1 п.л.).

55. Золотых, Л.Г. Профессии в зеркале фразеологии / Л.Г. Золотых // Природопользование в аграрных регионах России / сост. и ред. А.А. Жилкин, К.А. Маркелов, В.П. Зволинский и др. – М.: Изд-во «Современные тетради», 2006. – С. 509–514 (0,7 п.л.).

56. Золотых, Л.Г. Введение в когнитивную лингвистику: Хрестоматия, учебные задания и вопросы / Л.Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – 110 с. (7,0 п.л.).